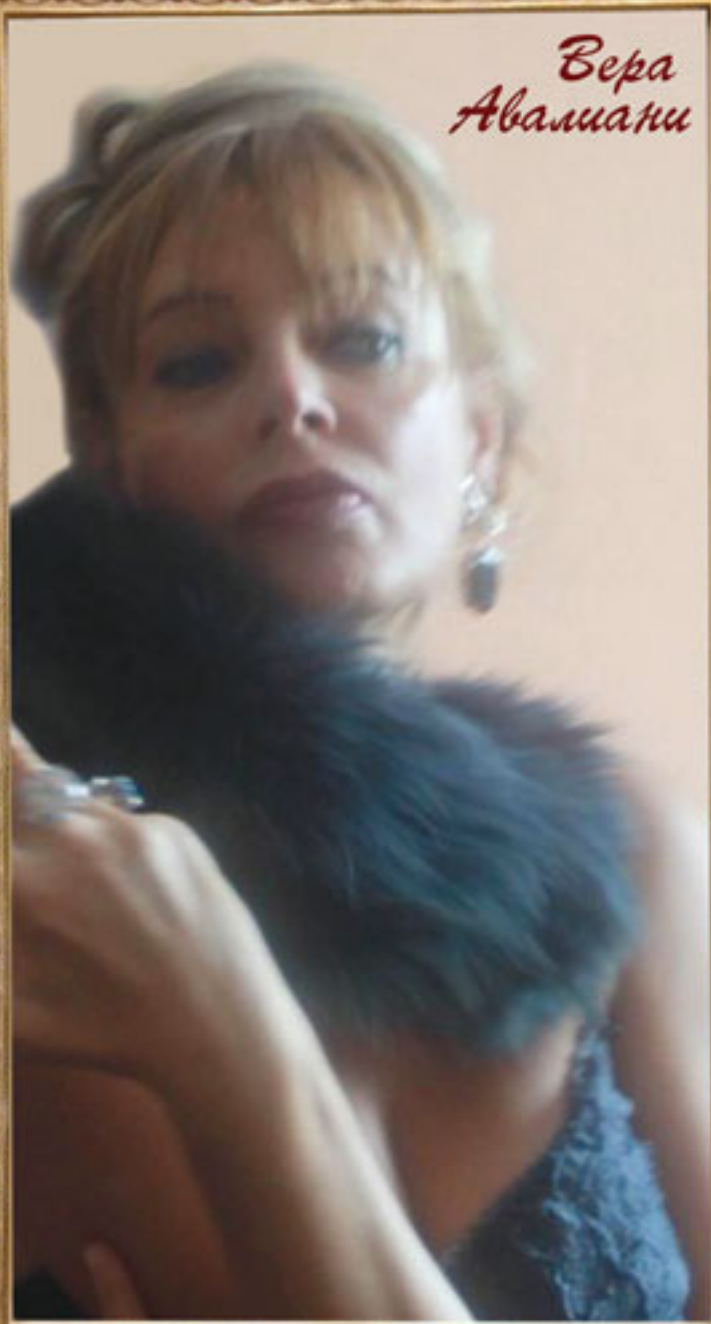

*Вера
Авалиани*

18+

Персональный мир

Вера Авалиани

**Персональный миф.
Психология в действии**

«Автор»

2017

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)

Авалиани В.

Персональный миф. Психология в действии / В. Авалиани —
«Автор», 2017

ISBN 978-5-906896-22-3

Всё ещё красивая женщина средних лет пытается в романе психологически протестировать события своей личной жизни, любви и сексуальных контактов и для вычитки нанимает студента литературного института. Ей хочется сосредоточенно поработать в своём домике у моря, но тут события начинают развиваться так бурно, будто все психодрамы и даже убийство случаются вновь и вновь в режиме быстрой перемотки.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-906896-22-3

© Авалиани В., 2017
© Автор, 2017

Содержание

Предисловие от автора	6
Глава первая	7
Глава вторая	9
Глава третья	13
Глава четвёртая	22
Глава пятая	24
Глава шестая	36
Глава седьмая	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Вера Авалиани
Персональный миф.
Психология в действии

© Авалиани В. В., 2017

* * *

Предисловие от автора

Все события и персонажи книги вымышленные, совпадения имен и ситуаций – случайны.

Все считают, что миф – синоним выдумки. И частенько в сочетании с прилагательным «персональный» так оно и есть. Пиарщики придумывают политикам и звёздам кино и музыки вымышленные биографии, одевают их несвойственным образом, заставляют говорить то, что полагается по новому сценарию. Но в психологии первоначальное значение этого словосочетания – максимальное осознание самого себя во времени и пространстве своей жизни. Персональный миф лично для каждого из нас хорош тем, что в нём всё должно быть правдой. В том числе и многое плохое. У меня, например, он выковывался «ключом по голове» в течение нескольких исторических эпох, к тому же в разных странах. И эта книга – попытка вспомнить всё и не повеситься.

Это история ошибок, страхов, потерь и пропущенных возможностей. Это миф отчасти обо мне, но больше о том, что происходило вокруг с теми, о ком я писала и снимала сюжеты для телевидения, с кем дружила и враждовала, кто предавал и кого предавала я. Шанс в чём-то покаяться и от чего-то предостеречь тех, кто моложе. Помните: «Ах, если бы молодость знала...» И теперь я могу сказать: если б я тогда хоть чуть-чуть разбиралась в астрологии и психологии, точно вела бы себя иначе в том вихре дней – иначе не назовёшь, который нёс, ушибал об землю и возносил на опасную высоту без всякой страховки.

Но нельзя назвать этот персональный миф автобиографичным. Ведь миф, как и сказка, без прикрас не может обойтись. А вот без лишних имен и должностей – вполне.

Глава первая

Судя по тому, что мягкая вата тумана переложила собой городские дома и деревья, словно это подготовленные к отправке по почте ценные вещи, недолго осталось ждать стрел травы на газонах и того дрожащего воздуха над асфальтом, который заставляет бредить наяву.

И даже реальные лица, настоящие губы кажутся красивыми, как воспоминания. А уж воспоминания показывают нам фильм мечты, заботливо смонтированный из кусочков сцен из реальной жизни – с закадровым текстом от автора, не желающего знать и помнить ничего плохого. Что ж, мы живём без репетиций – экспромтом. И только классным актёрам удаётся сходу взять верный тон, не оговориться и не проколоться в прямом эфире. Уж я-то знаю, как бывшая телеведущая, – думала Ирина в ожидании третьего – последнего – претендента на должность кого? Помощника в правке книги? Первого критика из числа молодых. И не потому нужны ей молодые, что хочется им угодить. А к тому, чтобы быть уверенной, что её поймут те, кому жить нон-стоп и любить сейчас.

Двое других парней из числа студентов были один – наигранно льстивый: «Вы слишком молодо выглядите для мемуаров», второй – самонадеянный бахвал: «Ничего, я придумаю, как приукрасить вашу жизнь так, чтобы она показалась другим мифической. Что ещё нужно делать в книге под названием „Персональный миф“».

Ирина и сама толком не знала, с чего ей приспичило «порыться в корнях». Потому что нет детей и некого учить на практике. И было бы обидно, если бы те, кто из «целевой аудитории» будут читать её миф, бросили это занятие только потому, что всё им покажется архаичным. Ведь сама она не стала читать полностью опусы Даниила Заточника, первого русского психолога, который сформулировал идею персонального мифа, если на то пошло: «Не воззришь на внешняя моя, но воззришь на внутренняя моя». Хотя лично я не возражаю, чтобы воззрились и на «внешняя моя». Конечно, не с утра, когда из зеркала смотрит бледненькое личико с большими серо-фиолетовыми кругами вокруг синих глаз.

Я люблю свой экранный образ. Это намазанное тональным кремом лицо с якобы идеальной кожей в свете софитов, подсвеченное изнутри адреналином, по-настоящему прекрасно. А вот мысли, которые я высказываю с экрана, лучше моих. Хотя и вроде мои. Но поймут это только тележурналисты и ведущие ток-шоу, даже не актёры – они-то произносят чужой текст. Просто зная, что про твои узнает как минимум миллион человек, начинаешь понимать, что именно ты должен думать, чтобы им понравиться. Хотя, казалось бы, зачем? Неужели кому-то хочется, чтобы все эти сердца под рубашками, майками, халатами учащённо забились и доселе отстранённые от всего, кроме дивана или кресла, люди вдруг стали активно добиваться взаимности?

В дверь опять позвонили. Это пришёл как его бишь... Олег. Его я приму на работу в любом случае. Улетаю на море я уже завтра, так что времени снова давать объявление нет.

Парень оказался высокий, весёлый, вертопрах. Он под Иренино представление о типичном молодом писателе подходил хотя бы внешне.

– Здравствуйте, сударыня. Вы написали, что вам нужен «спарринг-партнер» для чтения уже написанной книги «Персональный миф». Зачем? Мне нужно будет в пух и прах книжонку разнести? Или, наоборот, взять арфу и воспевать?

– Попеременно делать то и другое, живя в доме у моря и распоряжаясь собой всё время, кроме двух часов – с двенадцати до четырнадцати ежедневно. На полном пансионе, но без зарплаты.

– А вы не боитесь, что бесплатно я всё время буду говорить правду и вы того, повеситесь? – он изобразил рукой верёвку, а лицом – удушье.

Ирина засмеялась сухо.

– Не показывайте на себе. Учтите, что я умею давать сдачи и ваше самолюбие пострадает тоже. А может, и вовсе разрушится ваш персональный миф о том, что вы весь из себя «осложненный».

Тут он закатился искренним смехом.

– На спор? Когда выезжать?

– Через пару дней после меня. Зимой в доме никто не жил.

Глава вторая

Ситуация, в которой оказался Олег, напоминала описанную в начале поэмы «Евгений Онегин»: «Мой дядя самых честных правил, когда не в шутку занемог, он уважать себя заставил и лучше выдумать не мог. Его пример – другим наука, но, Боже мой, какая скука полуживого забавлять...» Конечно, Ирина полуживой не была, этакая «роза с мороза». Впрочем, красота увядания сейчас как раз в моде.

Только это тяжкое бремя выпало не на долю племянника, а свалилось на абсолютно постороннего человека. И маленькая и вполне ещё симпатичная дама в шляпке, покачивающаяся в гамаке, растянутом в беседке с видом на море, приняла меры к тому, чтобы «забавляющий» не очень скучал.

Его наняли читать вслух что-то вроде мемуаров этой Ирины Игоревны и по её распоряжению в некоторых местах вносить коррективы. За два часа работы в день этого студента кормили и давали ночлег в маленьком домике на берегу, оставляя всё время свободным. Но обязали возвращаться в десять или не возвращаться ночевать вообще, если повезёт оказаться в гостях у девушки.

Такие каникулы отдыхающего от богемной жизни в общаге литинститута очень Олега Инина устраивали. Вариантом был отъезд к бабушке в Воронеж. А там бы его припахали на даче.

Правда, парень опасался того, что окажется вдвоём с пожилой женщиной в одном доме. А вдруг у той есть на него планы? Прочтя на лице его опасения, женщина при встрече, когда он пришёл на собеседование ещё в Москве, иронично заметила: «Давайте подпишем соглашение, которое назначало бы гигантский штраф за сексуальные домогательства и прекращение сотрудничества. С обеих сторон». И протянула Олегу готовый документ.

Парень тогда облегчённо вздохнул: тактично составленное заранее соглашение оградило бы его. О том, что нарушений в этом смысле с его стороны не может быть, никто не сомневается. Что ж, его это успокоило.

И вот вчера вечером он на такси добрался сюда. Июньская ночь грохотала цикадами, розы пахли мучительно сладко, пока он шёл к белеющим стенам домика на четыре комнатки среди синевы приморской ночи. Где-то внизу шептало море, негромко, но внятно. И от этого внутри прожжённого горожанина Олега что-то расшнуровывалось и расправлялось, разминалось, и к моменту, когда он позвонил в дверь, сделанную просто из дерева, а не бронированную, он почувствовал радость прибытия домой. Хотя был тут впервые. Изнутри пахло сонным теплом и запахом чая и ванили.

– Добрый вечер, – сказала Ирина, в темноте и в халатике с большими пуговицами казавшаяся на много лет моложе. – Рада, что ты уже тут.

– И я рад, – проигнорировав переход на «ты», поскольку другое обращение тут было бы неуместно, ответил Олег.

Он поставил чемодан на колесиках в прихожей. Но женщина жестом попросила его захватить с собой.

– Твоя комната в том углу. – Она показала очень маленькой ручкой в перстнях налево. – Надеюсь, ты не слишком громко храпишь – терпеть этого не могу, а моя спальня рядом.

– Тогда и я тоже надеюсь, что... готовить завтрак ты умеешь. – Олег чуть было не нахамил с порога. Но вовремя осёкся под нарастающим холодом серо-голубых глаз хозяйки дома.

– Мы будем готовить его вместе. Передам бесценные рецепты мгновенного приготовления вкусных блюд, – ехидно улыбнувшись, сказала Ирина. – Подъём в восемь. Впрочем, собака и кот будят меня раньше.

– А меня? – огорчился Олег.

– А тебя – как повезёт. Учти, они оба читают мысли не по слогам. Это – не шутка. Так что думать об обоих придётся хорошо.

– Зверская дипломатия, – засмеялся Олег, – а если плохо буду думать?

– Собака будет лаять, а кот насрёт тебе на кровать. Или на одежду – если в шкафу не спрячешь. Впрочем, он умеет открывать все двери и окна.

– Его не Бегемотом зовут?

– Нет, его зовут Ниндзя.

– Уже страшно, – изобразил Олег голосом ужас.

Кот, опровергая слова, появился из-за двери и походкой бандита, нарывающегося на скандал, подошёл к парню. Впрочем, тут же обтёрся поощрительно о его ногу, мол, слушай её больше. И первым проскользнул в гостевую спальню. Ирина включила свет. Ничего особенного – обычная кровать и типовый шкаф, столик для компьютера у стены и тумбочка с лампой. Лампа безликая – стол и абажур. Зато занавеска на окне, расшитая вручную жар-птицей, переклочала всё внимание на себя. Окно под ней было раскрыто, но виднелась москитная сетка.

– Штору пока не открывай – тут южная сторона. А ночь в июле только шесть часов.

– Откуда вы всё знаете? – Олег сказал это, кинувшись спиной на кровать.

– Про шесть часов? Из песни. На кухне чай и булочки. Ванна в домике во дворе, как и туалет. Но не надо поливать мочой кусты.

– Вы не путаете меня с собачкой? – обиделся Олег, хотя грешная мысль не ходить ночью в соседний домик у него была.

– У неё мочи меньше, и она любит метить газон по углам. – Тон Ирины был невозмутимым, она зевнула и ушла спать.

А Олег ополоснул руки под краном на очень красивой кухне, расписанной полностью – включая мебель и кухню, под некий сад с цветами и деревьями. Мраморные столешницы удивили и заставили зауважать дизайн. А булки улетели вмиг – воздух из окна бодрил. Хотел было Олег пойти к морю. Но резонно решил, что, судя по звуку, обрыв крутой. И сходил под душ в ванной. Та оказалась вся позолоченной или бронзовой – трудно сказать. Даже сама эмаль была покрашена автомобильной краской. Полотенце почему-то пахло какой-то степной травой, может, полынью. И он едва дошёл до кровати, как уже спал на ходу. Откинул синий плед и рухнул на постель. Во сне ему снилось, что он плывет на корабле в дальние страны. И на море что-то написано от руки. Он силится прочесть, но строчки размывает.

Его разбудил завопивший под ухом кот. Параллельно он драл когтями коврик у кровати, сладострастно выгибаясь.

– Ну, Нинзя, не зря тебя так называли – разбойник, – Олег потрепал чёрного кота по лобастой голове.

Когда он вышел из ванной, увидел кемарящую на скамеечке в беседке Ирину. Она была растрёпанной и с закрытыми глазами гладила собаку. Та подставляла желательные для поглаживания части под руку хозяйке, не пуская дело на самотёк. При звуке закрывшейся за спиной двери Ирина открыла свои большие серые глаза и улыбнулась Олегу.

– Спал сном младенца! – отпартовал он.

– Младенцы по ночам орут, – парировала Ирина. И парень порадовался тому, что ей не нравятся банальности. Может, править её книжку будет не очень скучно.

Умывшись, работодатель и наёмник, как сама Ирина назвала их дуэт, встретились на кухне.

– Я ем на завтрак что-нибудь творожное или булки с вареньем.

– А как же обещанный секрет уникальных блюд?

– Хорошо, как тебе тортилья с зеленью?

– Не ел, но буду, – кратко сформулировал он.

– Нарви зелени на грядке прямо под окном кухни. А я пока порежу отваренную вчера картошку и зажарю. Сверху зелень с картошкой заливается взбитыми яйцами. Это и есть похожее сверху на панцирь черепахи блюдо.

Олег воодушевлённо склонился прямо через подоконник за окно, благо его рост позволял никуда не ходить, и нарвал сельдерей и укроп. Ирина подвинула ему доску и нож для шинковки. Он не стал спорить. Через три минуты тортiglia была готова и ему очень понравилась.

– Что у нас теперь по расписанию? – поинтересовался он.

– Море и солнце, – порадовала гостя Ирина.

– А работать?

– А работать – с двенадцати до двух. В самый зной.

Парню понравилось, что не придётся ждать встречи с морем долго. И, одевшись для купания, они, как мать и сын, побрели вниз по склону по осыпающейся тропинке. Внизу были большие валуны и мелкие камни. Ирина растянулась на самом большом и плоском.

Олег бросил полотенце на меньший камень, словно стекающий к пляжу. И тут же помчался, радостно вопя, в воду. Долго было мелко, но потом удалось броситься в воду, и сразу его будто окатило елеем. Тёплые волны, вылинявшее уже с утра небо и чувство радостного покоя. Ирина всё ещё лежала на нагретом камне, млела под мягким солнцем и смотрела с удовольствием, как резвится молодой организм в вечных водах.

Чтобы войти в море, сама она позже натянула специальные пластиковые тапочки – идти по камням на дне она терпеть не могла. И, едва перевалив за уровень воды чуть ниже талии, уже поплыла, плавно и даже восхищённо разводя руками воду, словно открывая занавес в подводный мир.

Обед они снова готовили вместе. Макароны по-флотски. Пока парень жарил под руководством Ирины фарш и резал лук, она бережно вытаскивала и осторожно погружала в кастрюлю длинные макароны из красивой пачки. Они были полыми внутри. И после купания оба они умяли изрядно еды. Поэтому чаевничали в беседке чуть не час, обсуждая будущую работу.

– Мне хочется спать, а не писать, – признался Олег.

– А писать почти ничего и не надо. Я ведь всё написала. Это текст, который нужно написать мне, как персональный миф.

– Выдуманный текст.

– Нет, свою биографию с элементами анализа.

– Думаете, кто-то это прочтёт?

– Ты уж точно прочтёшь, такая у тебя работа. – Ирина обиделась. – И потом, я никогда не читала более захватывающей книги, чем история моей собственной жизни.

– И сколько книг вы прочли, кроме поваренной? – съехидничал Олег.

– Больше, чем весь ваш курс вместе взятый. К тому же долгое время я была заведующей отделом литературы и искусства в газете. – Ирина помолчала и уязвлённо добавила: – Боюсь только, что тебе трудно будет писать грамотно. Ведь ваше поколение не пишет ничего длиннее СМС. Одна писательница даже составила только из них целый любовный роман. Он имел успех – читатели его смогли переварить – привычка помогла. А вот читали ли они Голсуорси? Точно нет. После таких книг невозможно давиться теми произведениями – от слова «произвести». Как сухарики со вкусом ветчины...

Тут уж пришла пора закипеть внутренне Олегу.

– Что ж, давайте ваш захватывающий роман из жизни. Я должен читать его вслух или просто делать замечания, читая про себя?

– Ты будешь читать вслух, а я буду вносить на словах корректировки. И тебе придётся записывать поправки в текст на ноутбуке.

– О, так текст всё же – на ноутбуке?! – с долей сарказма пикировал Олег.

– Гусей всех в округе общипала на перья для написания прошлой книги. Так что с этим проблема – пришлось купить «ноут», – усмехнулась она, едва сдерживая смех. Оба прыснули. И Ирина пошла в дом за гаджетом, прихватив с собой чайные чашки из беседки.

Вокруг неё стояла благодатная и ароматная тень. А на газоне плавилась трава, жухла и желтела, несмотря на агрегаты искусственного полива. Олег пододвинул стол ближе к себе. Ирина, когда вернулась и отдала ему уже открытый на экране текст, уселась в гамак.

Читал Олег сперва монотонным голосом. Но скоро в нём появилось сопереживание.

Глава третья

«Я всегда была ничем и никем не защищённым человечком. Маугли, если на то пошло, потому что с младенчества домашние животные играли в моей жизни куда большую роль, чем люди. И в оболочке их безусловной щенячьей и кошачьей любви, полной покусываний и поглаживаний, облизывания и прочих истинных нежностей, мне было так хорошо, что я не воспринимала минимальное общение с отцом и матерью как одиночество. Скорее, как свободу делать всё, что душе угодно. И все остальные заласканные роднёй малыши мне, несомненно, завидовали. Они мечтали о собаках – вокруг меня был их целый рой. Я подбирала раненных птиц – мама их лечила, я обнималась с собакой – отец, даже если видел, руки мыть не отправлял.

Несмотря на то что мама с папой физически рядом бывали редко, моя любовь к отцу была такой сильной, что она не изжила себя и теперь. С ним было можно всё – и до, и после произошедшей с ним трагедии. Помню, я написала ему за шиворот, когда он катал меня на шее перед работой – специально – желала задержать его дома, пока будет переодеваться. И ещё как-то я нарисовала на чертеже каком-то по углам цветочки. А его должны были везти в Москву для утверждения. Но в обоих случаях папа никак не выразил раздражения. Всё, что я делаю, для него было поводом для восторгов. До меня у мамы было несколько выкидышей. И он уже не чаял увидеть собственных детей, хоть помог маме вырастить её дочь от первого брака, младшую сестру, двух племянников. Всё это было до роковой поездки в родной город.

Отец в моём ещё раннем детстве поехал в Ленинград навестить старенькую мать и перед её смертью попрощаться. И на обратном пути в Алма-Ату у него сперли бумажник, в котором кроме очень небольшой купюры лежал ещё пропуск на секретный завод. Он был главным конструктором танков и подводных лодок. Проводник сказал отцу, что вор спрыгнул с поезда. И отец, не мешкая, на полном ходу выскочил из вагона. И ударился головой и потерял память. И пропал на долгих восемь месяцев. А мама ездила по всему пути следования поезда и искала его. А я оставалась на соседскую бабушку Сару, у которой и так было трое внуков в доме напротив. И часто на мои всхлипы и вопли в коляску запрыгивал утешать меня кот Кузя. А возвращал меня из-за ворот, куда я стремилась выбраться, овчарка Пират. И запахи их шерсти навсегда «впечатались» в мой образ жизни, в мои представления о душевном комфорте. Без мужа я, как показало время, жить могу. А без своей «меховой семьи» – нет.

Когда к папе вернулась память, он приехал домой. Но его перевели на другую работу – зам. главного инженера на станкостроительный завод. Потому что периодически память пропадала. Мама носилась с ним по больницам, параллельно работая снабженцем на том же заводе и пропадая в командировках чуть не каждый день. Так что большую часть времени я могла делать что угодно. Меня определили в детский сад. И там случилась первая большая любовь.

Саша был самым высоким и красивым мальчишкой. И он умел говорить и слушать. И он меня... восхвалял. После того как я кокетничала с парнем в парке, родители перестали меня называть красавицей. А он говорил тоже не это слово.

– Ты моя удивительная, ты лучше кошечки.

И всё так искренне. Каждый день он придумывал что-то новое обо мне. И я упивалась его восторгом, но взрослое сознание всегда контролировало меня. Я смотрела на себя в зеркало и искала, в каком ракурсе выгляжу лучше. Это во взрослой жизни очень пригодилось мне при работе на телевидении.

Мы так целовались в пятилетнем возрасте с Сашей Бережинским, что потрясённая сценой на клумбе с большими красными каннами воспитательница в срочном порядке показала меня детскому гинекологу! Как будто пятилетний мальчик что-то мог сделать с пятилетней девочкой! Но даже при таком раскладе оно того стоило. Голова кружилась и словно отвинтилась. Дыхание перехватывало, и радость заливала тело.

Мама высказала свое «фэ» воспитательнице, но сама на меня стала смотреть по-другому. Она стала строже и жёстче со мной, желая не дать мне распуститься. Вскоре папа невольно полил воды на ту же мельницу.

Он в чудесный летний выходной повёл меня в парк культуры и отдыха кататься на карусели. Красота там царила – дух захватывало. Море цветов, разноцветные аттракционы я тогда увидела впервые.

Но тут в парке отключили свет. И тогда, чтобы не разочаровывать меня, отец с парнем, отвечающим за аттракцион, стали вращать для меня одной карусель, толкая лошадок. И я при этом строила глазки – абсолютно намеренно этому молодому человеку, улыбалась ему, показывая ямочки на щеках. Парень глаз от меня отвести не мог. А я его самым настоящим образом соблазняла.

Я всегда отличалась, с самого раннего детства взрослым сознанием. Явно во мне жила душа кого-то минимум тридцатилетнего. И парень это ощутил сполна. Но папу это напугало.

– Что мы будем с нею делать, когда она вырастет? – ошеломлённо рассказывал он маме о моём кокетстве.

– Да уж, – хмуро сказала мама, – в подоле принесёт, как пить дать. Избаловал ты её своей любовью.

– Наоборот, не кинется на первого встречного, зная, что любой мужчина – её, – резонно возразил папа. Но в голосе его уверенности не было. Как и осуждения, впрочем.

Помню, когда он брал меня за руку, во мне всё ликовало. Я ощущала его всесильность. Часто девочкам нравится образ отца. Но мой и вправду был человеком огромной души и интеллекта.

Так сразу по поводу этих двух случаев «по Фрейду» для меня определилось навсегда диаметрально-противоположное отношение ко мне мужчин и женщин. Первые стали защитниками, а вторые – нападающими.

Кроме воспитательницы в детском саду, которая устроила мне обструкцию с гинекологом, была ещё и медсестра в больнице. И защитник в виде папы тогда уже умер.

День его смерти – 24 января 1964 года, хоть мне тогда ещё и шести лет не исполнилось, я помню, как сейчас. Очень холодно, снег сверкает под солнцем. На душе гулко и тревожно с утра. Из детского сада меня забрала не мама, а соседская бабушка Сара – высокая, худая, с бесстрастным лицом иконы. На мои вопросы, что случилось, она, вздохнув, ответила:

– Папе твоему очень плохо. Мама с ним.

При этих словах я вырвала у неё из руки свою ладошку и побежала сломя голову. В доме прямо с порога стояло много людей в тяжёлой, плохо пахнущей одежде. Я помчалась в папину комнату, но меня поймала и прижала к себе выходящая оттуда мама. Она была какой-то измученной и сказала, еле ворочая языком от стресса, что к папе нельзя, у него – врачи. А когда врач вышел, ответив на взгляд мамы трагическим покачиванием головы, я тоже поняла, что папа умер. И я больше никогда не услышу, как он меня позовёт, никогда не обнимет, успокаивая. Я вспомнила, как ещё недавно он лез на второй этаж к окну больницы с пельменями, которые слепил и сварил для меня сам. А его не пустили ко мне – карантин. И он, возмущённый, по пожарной лестнице и подоконнику, как Ромео к Джульетте, лез к пятилетней дочке, чтобы ты поела горяченьких пельменей. Они пахли лавровым листом. Мама варила их без него. Медсестра взобралась на подоконник и взяла у папы банку с едой. А он стоял за окном и с неимоверной любовью и радостью смотрел, как я ем пельмени. Хоть есть мне не хотелось. И я ела, тоже глядя ему в глаза через грязное стекло.

Но когда я вернулась из больницы, по отстранённому взгляду папы я поняла, что ему стало хуже и он меня не узнал. В тот день я сбежала из детского сада, движимая желанием его обнять во время тихого часа. Он стоял на кухне и смотрел на меня доброжелательно, но как на незнакомку. И я заплакала, кинувшись к нему. И от этого память к нему вернулась!

Взрослые не догадывались, что я всё понимаю, что происходит вокруг, без всяких скидок на возраст. Я слышала краем уха разговоры соседей, что отец, очнувшись от беспамятства, пошёл к линии железной дороги, видимо, хотел свою горячо любимую жену освободить от себя. Но его остановили соседи. Те самые, детей которых он не отдал под суд.

Соседские пацаны лет двенадцати забрались к нам в дом и спёрли заначку денег, кулёк конфет и ружьё. Оно числилось на папе. При моей жизни он на охоту не ходил. Но ружьё ему, как бывшему командиру корабля на Балтике во время блокады, было выдано именное. Я его почти не помню, кроме того случая, когда волокла его в пятилетнем возрасте от забора до дома.

Я услышала спор моих родителей на тему того, сдавать ли воришек милиции.

– Нельзя. Это баловство, но они могут в колонию загнать, – тяжело вздохнув, говорил папа.

– А если они из именного ружья кого-нибудь пристрелят – посадят тебя.

– Сказать им, чтоб вернули.

– Они тебя испугаются и втихомолку спрячут подальше или выбросят. А кто-то подберёт и...

– И что ты предлагаешь – писать заявление на дурачков?

– А что остается.

– Ладно, завтра схожу к участковому, – отец был расстроен очень сильно.

И тогда я сама пошла к Баданам – главным сорванцам нашей улицы. И сказала им, что папа знает, у кого ружьё. Не хочет на них заявлять, но не имеет права – на ружьё его имя.

Парни репу почесали смущённо.

– Но мы конфеты съели и деньги потратили.

– Пускай. Ружьё верните.

– Мы к вам придём с ружьём, а там – участковый.

– Ну давайте я отнесу, скажу – нашла за забором.

Присев на корточки, младший из Баданов перекинул мне ружьё через забор. И я его отволокла за ремешок домой. Только до крыльца – по ступенькам не смогла – боялась поцарапать. Позвала папу, врать ему не стала. Он меня обнял и прижал к себе. От него пахло с утра полыньё. Такой же и у меня запах пота. Наверное, поэтому он нравится мне.

– Маме скажу, что у забора в траве нашёл. Мол, сами они. Ага?

– Ага. – Мне ли было не знать, какие прокурорские замашки у моей мамы. Всё же она выросла в прокуратуре, где помощником генерального прокурора был её отчим.

Мамина любовь выражалась не «в облизывании», а в трудоёмкой, из последних сил заботе о нас. Но «сю-сю-мусю» ей не были свойственны ни в малейшей степени. И её жажда правды и справедливости не могла никем остаться незамеченной. Она была, что скрывать, подозрительной, и её решения бывали жёсткими. Впрочем, побила она меня один раз. Мы с соседскими мальчишками и девчонками шли регулярно к железной дороге и подкладывали под колёса приближающегося на всех парах поезда украденные у отца Жаворонковых – моих соседей – длинные гвозди. Надо было их держать на рельсах, буквально выдергивая руку из под приближающегося колеса. Тогда получались тоненькие ножички.

Нас сдал младший Жаворонков. И делегация родителей, в панике прибежавшая к поезду, гнала нас прутьями, стегая всех попавшихся под руку. Тонкие пруты били больно, оставляли красные полосы.

Мамина хроническая усталость от утомительной работы и ухода за двумя больными – папой и мной, её собственная астма не оставляли места сантиментам. И к тому же подмазывала врачей, особенно спасавшую меня Марию Фёдоровну, добывая для стационара бумагу для историй болезни. Тогда она была дефицитной, как, впрочем, и всё остальное в СССР.

В день смерти отца мама отвела меня спать к соседям. Тем самым, чьи пацаны украли ружьё. Меня берегли от подробностей похорон. Соседские мальчишки – оба Бадана – катали

меня на санках весь вечер и следующее утро. А я сидела безжизненно, и слёзы без рыданий холодили щёки.

На похоронах было столько людей, что две улицы были заполнены рабочими завода, соседями, коллегами папы с секретного завода. Все заходили в зал и клали цветы. Тогда зимой достать их было просто невозможно. Родни у папы не осталось – все десять братьев погибли кто на фронте, кто в блокаде. Но мамины родственники, которым он был кормильцем тоже, рыдали так, что стены сотрясались. Папины друзья выражали первой соболезнование мне. Они знали, что для мамы эта смерть в какой-то мере облегчение. И я, не зная того, что маму обхаживает её одноклассник, первая любовь, тоже это понимала шестым чувством. И тогда я ляпнула маме:

– Не плачь, теперь у тебя будет другой муж.

Тогда ещё пару недель я не знала, что «тот свет» существует. Но почувствовала, что вроде как, утешая маму, папу предала. Я тут же так расстроилась, что мне захотелось как-то искупить вину. Хоть никто в атеистическом обществе тогда о Боге не заговаривал, но я всегда чувствовала, что всё это вокруг кем-то сделано и запущено, как станок или машина. Что есть кто-то там на небе. Ведь бабушка меня окрестила в младенчестве. Думаю, именно поэтому меня в самых диких ситуациях всю жизнь словно кто-то из них выводил.

Я пошла одна на другой конец улицы к женщине, делавшей искусственные цветы для похорон. До этого я туда ходила с бабушкой Аней – маленькой и шустрой, которая в основном занималась моими двоюродными сёстрами, но на похоронах, разумеется, помогала. Мне дали два цветка бесплатно, понимая, что я хочу их папе в гроб положить от себя. Я так и сделала. Он лежал – такой... успокоенный. Тогда я поняла, что слово «покойник» – от слова «покой». Я ушла в папину комнату. И не успела подумать, что больше не услышу своё имя от него, как тут же явственно, над самым ухом оно и прозвучало. И с тех пор я поняла, что папа просто стал невидимым, но никуда не исчез насовсем.

На похоронах было очень холодно. Ограду вокруг могилы поставили тесную. Но я запомнила место. И потом, через три дня, снова побывала там с мамой. А на мой день рождения – шестилетие – он был через две недели после папиной смерти одна пошла на кладбище пешком и долго сидела там и с отцом разговаривала. И... просила его, чтобы он меня забрал к себе. Я тогда уже знала то, что подтвердила жизнь: жизнь сироты ужасна. И мне не хотелось её терпеть.

Заболели мы всей детсадовской группой. Та самая воспитательница решила нас всех закалять. В ноябре в летнем душе нас всех поливала водой с головой, плохо обтирая полотенцем. И я заболела ещё тогда. Стала кашлять, чихнуть, но не жаловалась.

А вот после дня рождения (а он был на двенадцатый день после смерти папы) я заболела так сильно и так больно, что это было невыносимо. Помню, как мама плакала тихо, ожидая скорую. А мне было при каждом вздохе так больно, что я мечтала умереть. Крупозное воспаление лёгких и плеврит, стреляло в ухе.

И я каждый раз надеялась, что вот сейчас всё это прекратится. Но... Приехали врачи, отвезли меня в больницу. Сделали восемь переливаний крови.

И вот тогда я снова встретила с женской ненавистью ко мне».

– Мне кажется, что здесь нужно вставить слова «впервые после воспитательницы детсада». Ведь иначе получается, что ненавистью вы называете действия матери.

– Ты прав, вставляй слова, – Ирина была довольна.

В беседку прилетели осы и роились над чашкой Олега в непосредственной близости от его локтя. Он добавлял в чай сахар, в отличие от самой Ирины. Она приподнялась на скамейке, чтобы переставить осторожно чашку подальше от парня. Он благодарно улыбнулся.

– Продолжим?

Ирина встала и прошлась по периметру беседки. Сидеть на деревянной скамье ей было неудобно.

– Может, в дом пойдём читать? Там и чайник ближе, – спросила она.

– Ой, нет, не в первый день на море. Надышаться не мог. И ветер такой приятно горячий, – почти взмолился парень.

– Тогда принеси мне чаю и подушку-сидушку с кухни, – начала торговаться Ирина.

Олег легко поднялся и побежал выполнять поручение. Вернулся с чайниками – заварным и электрическим в руках, с подушкой под мышкой. И тут же плюхнулся у ноутбука.

– Так что вы именуете женской ненавистью? Ведь медсестре было минимум двадцать, а вам – шесть лет. Ревность исключается, поэтому...

– Ревность не исключается никогда. Ревнуют и взрослые к детям. И подлости им делают намеренно. Но тут был вариант заниженной самооценки, когда важно было унижать того, кто не хотел подчиняться тому, что считаю неправильным.

«Как-то вечером соседи по палате попросили меня рассказать им сказку. Я сочиняла на ходу. Сочинять это всегда было моим коньком. Пегасом. Точно сказку я не помню – она была одной из многих. Помню, там принцесса ездила на мотоцикле и сшибла пирата на берегу. Вся палата малышей постепенно переползла поближе ко мне, чтобы можно было сказку рассказывать тихо. Медсестра – ночная дежурная ушла спать (она себе не утруждала). И нашей задачей было ей не мешать. Но она всё же проснулась. И она силой выволокла меня из кровати, поставила в одних трусах в угол палаты зимой, на всех наорала, чуть не пинала кровати за то, что не дали выспаться. И караулила меня, храпя на стуле рядом. К утру у меня температура была под сорок. И медсестру чуть не уволили за её «воспитание». Но только «чуть». И она начала мне мстить. Всех её гадостей не помню, но одну – когда мне на живот давила слишком тугая резинка от трусиков, я их сняла, чтобы заснуть ночью. Во сне одеяло приоткрыло мою голую попу. И эта стерва медицинская утром выволокла меня, когда все начали просыпаться, голую в центр палаты и всем показала, какая я развратница.

Я попросила маму забрать меня домой после этой истории, когда я стояла вся красная до пяток, а она вертела меня как волчок, показывая всем.

Мама рассказала о «мести» медсестры главврачу Марии Фёдоровне. А та решила всё же уволить садистку, несмотря на нехватку персонала. Зарплаты у медсестёр были маленькими. И когда вечером главврач объявила этой стерве об увольнении, она пошла в кладовку и повесилась. Об этом потом много сплетничали медсёстры. И основное мнение было таким – если детей ненавидишь, зачем идти работать в детскую больницу? Не знаю, были ли у неё свои дети, но им явно повезло, когда она удавилась. Я тогда ещё была доброй девочкой. Но о ней, врать не буду, не жалела. Когда я в первом классе прочла роман «Джейн Эйр», я всё время вспоминала сходные с её переживания сироты. Правда, она осталась без обоих родителей. Но из-за того, что маме моей Зое Даниловне приходилось так часто уезжать в командировки по всему СССР в поисках нужного для производства станков, вернувшись из больницы, я оказалась абсолютно одна. Не считая соседей».

– Погодите про соседей, дайте переварить повесившуюся сестричку. Она была пожилой?

– Лет тридцати. Ничего о ней не знаю. Помню сочащийся ядом голос.

– Её второй раз собирались уволить и из-за вас? Так? Почему она доставала вас так упорно. В книге нет на это указаний.

– Она мне завидовала и ненавидела за это.

– Больному ребенку завидует?! Разве есть повод?

Ирина поднялась и потеряла низ попы.

– Жёстко мне тут сидеть. Пойдём в дом – еду готовить. Я кое-что расскажу про виды зависти.

И тут всё же придётся перейти к соседям – Жаворонковым. Родители их – простые люди. Папаша пил, конечно, но тётя Нина, будучи крупнее мужа, всегда его умирала. Жертвой ни она, ни дети не были. Дом у них был точно такой же, как у нас. Да в придачу высокая сухо-

ватая и очень трудолюбивая баба Сара. То есть ничего она нам не прививала, сказок не читала, просто присматривала без комментариев, чтоб шеи не свернули. То есть своих троих внуков и меня она воспринимала без восторга, умиления, но и без раздражения. Лицо у неё было какого-то особенного цвета, выглядела она, как лики на старинных иконах.

И вот в такой компании развивались следующие события.

Я сочинила очередную сказку, что у меня под крыльцом вырос чудо-цветочек – весь белый, со стеблем. И на нём вместо листьев – сердечки. И кто их съест, того будут любить. Только сорвать его нужно ночью. Все трое слушателей затаили дыхание – белобрысый младшенький Вовка, средненькая дочь Жаворонковых – Галка и красавица – старшая с каштановыми волосами и зелёными глазами – Таня. Она была на пять лет меня старше.

И вот разошлись мы по домам. А утром травинку кто-то вырвал. Я переживала – сама верила в свои сказки. Кто – точно не знаю. Но единственной завистливой среди Жаворонковых была Галя. Предположим, и правда – одевали меня в детстве лучше. Но ведь она завидовала не только этому. Например, когда мой папа умер, она сказала: «Везёт же тебе, твой папа умер, а мой – нет». И в голосе её звучала неизбывная зависть.

Ирина опускала макароны в воду стоймя. А в это время Олег мешал фарш на сковородке. Но, когда услышал повод для зависти, замер с ложкой в руках, рискуя тем, что мясо подгорит. На лице его было неверие и изумление.

– Вы это придумали. Тогда, в детстве, или для своего мифа?

– Клянусь. Придумывать я умею и люблю. Но суть персонального мифа – не врать себе.

Олег, наконец почувствовав запах подгоревшего фарша, выключил плиту и снова помешал заправку для макарон.

– Хотите, покаюсь в том, в чём правда виновата?

Олег сделал благостный вид и сложил ладони одну к одной, изображая пастыря.

– Кайся, дочь моя.

Ирина засмеялась, но поддерживать мизансцену не стала.

– Я сочиняла страшную историю для моей подружки Ленки и её старшей сестры у них на крыльце. Дело было летом, и дверь в дом была открыта. «Дядька повёл мальчика – он весь был в крови и плакал в сквере у столовой. И там закопал вчера вечером. Я сама видела». Девчонки ахнули.

– А ты что сделала? – в ужасе спросила Лена.

– Я... убежала, испугалась. А то он бы и меня убил.

Все, включая меня, расплакались. Я своим мысленным взором видела всю картину. Хотя и знала, что всё выдумала сама.

Тут мимо нас с крыльца сбежал отец Лены, кинулся к сараю и вышел оттуда с лопатой. Я поняла, что он поверил в мою сказку. И стояла, как загипнотизированная, и не смогла признаться во вранье. Мне было стыдно. Потому что Ленин папа обошёл всех соседей, и все они с лопатами два дня перекапывали сквер. На второй день к ним присоединились милиционеры. Оказалось, и правда какой-то мальчик пропал. Меня никто не допрашивал – не хотели подставить под удар убийцы, делали вид, что источник слухов неизвестен. Даже когда никого не нашли, решили, что убийца перепрятал труп, как только нашёл машину. Устами младенца могла глаголить только истина – и больше ничего.

Зато пережитый мною стыд уберёт меня от выдумок в журналистике. Нет, детали я могла додумывать (подчеркивая это). Все они дожидались момента, когда...

– Когда вы будете придумывать свой персональный миф, – подколот Олег.

Ирина вынула макароны на блюдо, и сверху Олег вывалил обжаренный фарш.

– Нет смысла врать себе.

– Но ведь другие тоже это прочтут.

– И гарантированно сочтут мой миф выдумкой. Потому что невозможно выдумать что-то более непредсказуемое, чем реальность. В моём случае точно. Выдумки часто банальны. В них всё чёрное или всё будто с добавлением отбеливателя: вот грязь – и тут – бабах – всё посветлело и вывелось и сияет белизной снега. Впрочем, городской снег белым даже до земли не долетает.

– Но люди хотят в фильме хороший конец. А уж в жизни тем более.

– Екатерина Великая умерла, тужась в туалете. Хороший ли это конец биографии, полной всего разного? А Петр Первый умер от пневмонии, которую получил, спасая своего работника из воды.

Хоть Олег об этом и не сказал, но на лице его было написано изумление – он явно не знал, от чего умерли эти правители-победители.

– И какой я должен сделать вывод из смертей Романовых? Что самое опасное – это быть? Согласен.

Ирина хмыкнула, довольная.

– И этот тоже. Но я-то доказывала тебе то, что никакая жизнь достойную смерть не гарантирует. А ведь именно она и есть конец жизни, конец нашего личного фильма ужасов или трагикомедии – кому как повезёт.

Дискутируя, они уселись за стол и разложили по тарелкам макароны и мясо.

Олег вдруг вскочил проворно, чуть подальше потянулся из окна и сорвал себе огурец. И, уже сделав шаг обратно на своё место, отдал его Ирине.

– Я сбегая ещё сорву. – В голосе его звучала вина. Ирине его поступок понравился.

– Сбегай. Только действительно сбегай, а то всё остынет.

Для парня его роста до грядки было три шага. И он их смешно проскакал. В это время на столе завибрировал его мобильный. На экранчике высветилось слово «Отче». Ирина усмехнулась тому, как сын именует отца. Она быстро встала и протянула в окно телефон Олегу. Но у того руки были полны огурцов, и он замотал головой.

– перезвоню.

– Но это – твой отец.

– Мы с ним пару лет не разговаривали, так что ещё пару минут подождёт, – неожиданно зло сказал парень. И снова смешно лавируя между прядями огуречных стеблей, вбежал в дом. Ира уже протягивала ему дуршлаг для того, чтобы он бросил туда огурцы и ответил на звонок, который продолжал разрываться.

Олег всё же взял трубку. Точнее, грязным пальцем нажал громкую связь.

– Что случилось, сын, ты всё ещё на меня злишься? – голос «Отче» был таким красивым баритоном с неподражаемым вибрато, что внутри Ирины что-то сладко отозвалось внизу живота. Она одёрнула себя – любопытство было сильнее. Олег домыл огурец и руки и ответил, словно плюнул в телефон:

– Я из моря на пляж выходил.

– А мне показалось, что шумела вода из крана. Но про то, что ты уехал отдыхать на море, мне сказала твоя мать. – Голос оставался невозмутимым, несмотря на то, что сын явно «нарывался». – Она сказала, что тебя наняла старушка для написания мемуаров. – Отец явно не сам про старушку выдумал. Или так сказал матери Олег, или его мамаша сама так расценила женщину пятидесяти восьми лет.

Определение сперва кольнуло Ирину в сердце. А потом она поняла, что да, так оно и есть. Она старушка, а её писанина – не психологические экзерсисы, а именно что мемуары. Олег прочёл эту мгновенную боль на её лице. И мгновенно забыл о своей обиде, о которой Ирине пока было ничего не известно. Поэтому сказал скорее ей, чем отцу:

– Да, ты прав. Редактирую что-то вроде «Мемуаров гейши». Только круче.

Отец на секунду озадаченно замолчал:

– Так ты ещё и спишь с этой... гейшей?! Она же тебя на тридцать лет старше!
– Ты тоже старше моей бывшей пассии, как её – забыл – на двадцать девять лет. И ничего.
– Это другое дело. Твоей матери сорок девять!
– Дело это одно: секс, – сказал как отрезал Олег. И осёкся, увидев еле сдерживаемое возмущение на лице Ирины. Оно стало маленьким и словно готовилось взорваться. Он понял почему: ведь не было и намёка на такую возможность в её поведении. А он – для красного словца не пожалел ни её, ни отца. В самом прямом смысле.

Он прикрыл трубку рукой:

– Простите меня, я всё потом объясню.

Ирина ковыряла вилкой в макаронах чернее тучи.

– Я как раз звоню тебе, чтобы ты начал подыскивать дом где-нибудь в том же местечке. Я решил купить что-нибудь у моря. Мы завтра с Анной вылетаем к вам. Надеюсь, ты снимешь нам отель. Мы прибываем в Сочи в одиннадцать вечера.

– Всё ещё с Анной? Идёшь на личный рекорд.

Отец в ответ промолчал, только крякнул.

– Сними нам номер в отеле поблизости от вас. А если нет – спроси разрешение у этой своей... дамы сердца, чтобы мы эту ночь переночевали у вас, а потом уж что-то снимем.

– Попробую помочь. Сыновний долг будет выполнен.

Олег ткнул пальцем в телефон так, что тот чуть не съехал со стола.

Он сел за стол и уставился в тарелку. Ирина подняла глаза и спросила:

– Что, папаша у тебя девушку увёл?

– Да, третью. С кем ни познакомлю – все на его голос клюют и идут к нему, как кролики к удаву.

– Да, голос впечатляющий. Да и внешность. Громадный кот в сапогах, – прокомментировала Ирина.

– А он что, в сапогах?

– Нет, но кот.

– Да уж. Байкер в чёрной куртке и техасских сапожках. Пиджаки и те носит с джинсами и кроссовками. Шейный платок и всё такое. Потуги на икну стиля.

– Ну от таких потуг не грех и умереть, – пошутила Ирина.

Лицо Олега оттаяло. И он рассмеялся.

– Скажи, а ты любил эту Анну? Или отец взбесил тебя окончательно с третьей попытки?

– Не знаю. То и другое, наверное.

– Но ведь два года прошло, а ты всё ещё пылаешь мстью.

– Два? Да, уже два... Я кольцо купил, решил жениться на Аньке. Она такая – с характером и сиськами, – сам улыбнулся своей характеристике Олег, – а она сказала, что уже две недели, как спуталась с отцом, и за меня не может выйти, чтобы семья не стала «шведской».

– А с матерью отец давно в разводе?

– Пять лет. И перебрал до Аньки тьму девок. И ещё двух моих уводил на раз.

– А мать как пережила развод?

– Легко. Она и сама такая... Вечно молодая. Живёт со своим бухгалтером – он тоже её моложе, по-моему, лет на шестнадцать или что-то около того. С Эриком Шведом. Фамилия у него такая.

– А ты живёшь отдельно?

– Да, когда они развелись, мне сразу квартиру купили. Я ещё школу не окончил. Но я даже рад был, что «молекула» разорвалась на три компонента, а не на два. Всё же в том возрасте мне уже не нравилось быть между молотом и наковальней.

Ирина встала и сунула его тарелку со спагетти болоньезе в микроволновку, подsunул под руку парню огурцы. Тот начал их жевать с хрустом, вспоминая что-то из прошлого.

- Скажите, а я не ошибся? Дальше и правда будут мемуары гейши?
- Круче, – серьёзно покачала головой Ирина.
- Нет, правда? – глаза Олега вспыхнули интересом.
- Гейши занимались сексом за деньги. А я – по любви. К тому же по сравнению с современными женщинами гейши были куда более скромными и зажатыми. Так что да – ты не ошибся в своих предположениях.
- Тогда за работу, – Олег киношно потёр ладонь об ладонь, изображая, что очень спешит взяться за дело. Но глаза были такие раненые.
- А чай?! – возмутилась Ирина. – Чай не пьёшь – какая сила?
- Я могу читать и прихлёбывать, – сказал Олег уже на ходу, направляясь за ноутбуком.

Глава четвёртая

Олег хотел устроиться на краешке кухонного стола, но Ирина прогнала его в беседку.

– Сейчас помою посуду и приду. Ты пока найди место в тексте, на котором вчера остановился.

– Чтоб вы знали, это место определяется теперь автоматически. А посуду сразу мыть – не клёво.

– Что поделать, я не могу работать, если вокруг беспорядок.

– Ну а как же «творческий беспорядок»?

– Это то, что мешает сосредоточиться на деле. Кроме того, сразу мыть посуду – три минуты, а когда к ней присохнет недоеденное – минут десять, даже со средствами.

– Хотите, подарю вам посудомоечную машину. Или вы как Агата Кристи обдумываете сюжет, пока моете чайные чашки?

– Да, читала про неё такое. Но у меня это просто от того, что, пока я была журналисткой, а потом и главным редактором газеты, порой приходилось обходиться даже без еды, и в туалет некогда сходить было иногда перед сдачей номера. Так что лишних десять минут на уборку не было никогда. Пошли, я уже закончила.

В саду несильно пахло огурцами с грядки, точнее их ботвой. Но в самой беседке все запахи затмевали полураспустившиеся и разогретые на солнце розы. Чайные. Особенно это название приходило в голову, когда прихлебываешь рядом с ними ароматный чай из тонкой чашки.

– Я только теперь понял, почему эти розы называют «чайными», – сказал вслух Олег, словно прочтя мысли Ирины.

– И я почему-то именно об этом подумала. Вообще многие слова раскрываются в течение жизни постепенно. Ты вдруг задумываешься о каком-то из существительных, глаголов или прилагательных в иллюстрирующих их значение ситуациях.

– Например?

– Когда у меня в доме после других многочисленных собак и кошек появилась моя Жучка и я пригрела котёнка, собака сперва пыталась кидаться на малыша из ревности. Но я наказывала её за это. И она взяла манеру оттирать своим туловищем котёнка от моей руки, когда я его собиралась погладить. Она буквально всем боком проходила по нему, отодвигая раз за разом. И мне стало понятно выражение «быть затёртым в социальном плане» – это когда не слишком грубо, но настойчиво людей отодвигают от каких-то благ.

– Мохнатые чудовища типа вашей Жучки. Так может, ревность тоже – основной инстинкт.

– Похоже на то. Когда я только рассталась с Бертраном и жутко страдала, Софья Яковлевна – женщина, с которой мы подружились после того, как я написала статью в нашей газете о том, что она одна из первых в городе занялась бизнесом в шестьдесят пять лет – открыла курсы секретарей, наборщиков текстов и тому подобных специальностей (сама она преподавала там психологию и английский), увезла меня в Индию – подальше от мест, где все тыкали мне в глаза изменами того, с кем мы прожили три года. И всю дорогу до Дели, а потом и Агры уверяла меня, что ревность – это удел слабаков, что в природе её нет. И вот идём мы с ней, беседуя на эту тему, к Тадж-Махалу. Путь до него неблизкий – вдоль бассейна с бортиками через парк. И вот на мраморном бортике видим – лежит гамадрил. И пять макак выбирают у него на мохнатом теле блох. Работают дружно и нежно.

– Вот, ты видишь – нет ревности в природе, – сказала Софья Яковлевна и мимоходом рассеянно потрепала гамадрила пальцами по голове. Тот улыбнулся ласке. И тут все пять мартишек разъярённо кидаются на бедную женщину. Вцепляются ей в причёску, выкидывают

ободок, одна – усевшись на плече, начала вырывать массивную серьгу из уха женщины в непри-
творной ярости. Мы вдвоём еле отбились сумками от ревнивых фурий.

И ту мы обе захохотали, увидев, как побеждённые противницы вернулись к объекту кол-
лективной любви, продолжив прерванное занятие.

Так что, может, ревность и есть основной инстинкт. Так что не кори себя и не считай хуже
отца только потому, что девушки уходили к более опытному и богатому человеку с такой же
внешностью, как у тебя.

– Я на маму похож, – с сожалением сказал Олег.

– Значит, будешь счастливым. Просто эти девушки не были твоими. Да и отцовскими
тоже.

– Но Аня с ним до сих пор.

– Вот именно. А откуда ты знаешь, не ждёт ли она этой поездки, чтобы к тебе попытаться
вернуться? Вдруг приревнуешь – и женишься.

– И тогда мы с отцом не будем разговаривать всю жизнь, – мрачно пошутил Олег. – Уж
он-то измену себе не простит.

– Если сам не изменит.

– С вами, что ли?

– Не сомневайся. Не знаю, полюбим ли мы друг друга, но увлечь достаточно для секса
отпетого бабника очень легко.

Олег посмотрел на Ирину, внимательно её рассматривая.

Глаза серо-голубые, светлые. Морщин ещё мало, и лицо «не поплыло». Нос маленький
и чуть вздёрнутый. Губы пухлые и словно треснувшие посредине. Видно, что были какие-то
операции или процедуры. Большая и красивая грудь, вроде естественная.

– Только не надо так меня рассматривать. Внешность ещё не всё.

– А что – всё?

– Поймёшь: гипнотичность. Что это – поймёшь, когда дочитаешь эту книгу. Ведь и пишу
я её для того, чтобы описать свои наблюдения за поведением и свойствами характеров людей
в любви и в работе. И соотнести с существующими теориями в психологии и выдвинуть свои.

Одна из них – бытовой гипноз, кодирование – вещь повсеместная, распространённая. И,
вполне возможно, умение это свойственно всем.

– Даже так? Я опять заинтригован. Продолжаю читать. Жаль, что до сексуальных сцен
ещё далеко – мы же ещё на стадии детства.

– Как раз следующая сцена – сексуальная. Даже связана с извращением. Точнее, с она-
низмом.

Глава пятая

Олег так и остался сидеть с приоткрытым от удивления ртом, пока искал нужную страницу в тексте «Персонального мифа». И начал читать с некой опаской в голосе:

«Все современные любовные романы основаны на том, что детей похищают педофилы. Но считается, что в СССР такого не было. Между тем однажды во время игры в прятки я сидела за кустом, стараясь, чтоб меня не заметили. В это время мне зажал рот ладонью кто-то сзади и втащил в находящийся на улице общественный туалет – деревянный, с дыркой посередине. Худой, издёрганный мужик отпустил меня, оторопевшую, на дырку в туалете, сам нервно сорвал штаны вместе с трусами и затряс у меня перед глазами своей вялой пипиской. Ко мне он больше не прикасался. Я с интересом разглядывала его манипуляции, когда из него что-то брызнуло, он натянул штаны, от всего сердца сказал мне «спасибо, девочка» и убежал из туалета. Я свободно вышла и, забыв про прятки, побежала рассказывать всем, что со мной случилось.

– А мне-то он не показал! – с завистью сказала Галька. А Танька, которая была на пять лет меня старше, сказала мне с жалостью и серьёзно:

– Нельзя ходить с чужими дядьками никуда, убить могут.

– За что, я ведь ничего ему не сделала и слова не сказала? – искренне удивилась я.

Хотя, как выяснилось чуть позже, тогдашние педофилы на убийство не решались. Один из них жил, как оказалось позже, в соседнем доме. И был он мужем очаровательной женщины тёти Поли. Миниатюрной, прекрасно ухоженной, всегда красивой. У них было двое красавцев-сыновей лет на семь-восемь меня старше. Блондины с нордическими чертами лица. Они отлично учились, выглядели, как денди. Модели, да и только. Я была частым гостем в их доме. Тётя Поля учила меня вышивать на пяльцах, вязать крючком. Моя мама этого не умела сама, да и видела я её редко – урывками. Работа, командировка. Наверное, личная жизнь.

Муж тёти Поли – небольшого роста в толстых очках, весь какой-то пришибленный явно не тянул на отца такого гламурного семейства. Благодаря стараниям тёти Поли сама она и парни были франтами.

И вдруг, когда им обоим было около четырнадцати-шестнадцати лет, как гром среди ясного неба – арест их отца. Он... насильничал маленьких девочек.

Суд был показательным – в клубе завода. Сути я не знаю – мне было тогда шесть лет. После суда жизнь тёти Полины покатила по наклонной. С работы её уволили. Сыновей в школе избивали, они ушли в профтехучилище. Все трое, вместе с матерью, уже спились, когда через много лет вернулся в дом виновник всех их бед. И пережил их всех. Гриша погиб в пьяной драке, Валера сгинул. А тётю Полю кто-то в голом виде избил ногами пьяную насмерть в футбольных воротах на стадионе... Я узнала об её дикой смерти случайно, уже когда училась в университете. И, видит Бог, в моей памяти она всё равно осталась женщиной настолько идеальной и культурной, что её образ не смогла перечеркнуть картинка в голове. А ведь психология утверждает, что человек, сформировавшись полностью в области характера к пяти годам, а к двадцати пяти – затвердев во всем, даже в росте, – не меняется. И проявляет всю жизнь все свои качества, лишь передвигая в этой плоскости отметки, например, от мягкости в обращении с людьми до полного подчинения, от скромности – до полного погружения в себя и отстранения от внешнего мира. Так могла ли, говоря современным языком, «гламурная» тётя Полина превратиться в голый скелет, которого запинывали какие-то отморозки в ворота на футбольном поле, по этой теории. Когда я вспоминаю об этой семье, у меня появляется ужас перед фатумом, роком. Ни одну жизнь только психологией не объяснить и не измерить... И теперь, вспоминая то небольшое приключение с онанистом, я всё время думаю: если б я раскричалась,

убежала и его бы арестовали, что было бы с его близкими. Или он бы всё-таки меня убил, если б я вела себя иначе. И не спасло ли моё спокойное любопытство мне жизнь?»

Олег остановился и посмотрел на Ирину с ужасом в глазах.

– Вы правда думаете, что от самого человека ничего не зависит?

– Так, по мелочам. Знаки препинания в судьбе – не больше.

Парень нахмурился и решительно выключил ноутбук.

– То, что я прочёл, меня запугало. Какой смысл заставлять себя жить с оглядкой, колебаться перед каждым шагом.

– Ты прав. Смысла нет. Будет только то, что должно быть, если слушать свой внутренний голос. А если идти поперёк него, руководствоваться расчётом, то он обязательно окажется неверным.

– При чём тут расчёт?

Тётя Полина была красавицей. А её очкастый педофил Михаил (не помню, как по батюшке) – каким-то начальником. Она вышла за него замуж не по любви, а чтобы иметь дом полную чашу, заниматься детьми и хозяйством. Расчет её был наказан тем, что скрытные и вкрадчивые люди с неприятной внешностью всегда ненормальны. Не думаю, что она его любила хоть день или час. А если в фундаменте семьи нет любви – может рухнуть всё здание, и погребёт под собой и налаженный быт, и отличных детей.

– Я не согласен.

– Да, я поняла. У тебя будет время обдумать аргументы, потому что нам надо сходить по тем домам, которые я осматривала перед покупкой этого дома, и узнать для твоего отца, какие из них не проданы до сих пор. Он же просил подыскать что-то в окрестностях, пригодное для жизни. Ты не в курсе, на какую сумму?

– Думаю, тысяч на двести долларов. Он не богач, но и не лузер.

– Ты его любишь.

– Его – да, а в сочетании его с Аней – нет. – Олег повеселел. Неужели поверил в возвращение потерянного рая?

Первый из подходящих домов находился в двух минутах ходьбы на той же улице. И возле него, в отличие от остальных, асфальт был обновлён. Предпродажная подготовка.

Ирине тогда, когда месяц назад она искала дом для себя, строение понравилось. Но хозяин – большеносый кавказец – так упорно брал её под локоток и прижимался боком, говорил всякие сальности, что она не захотела с ним связываться. И соврала тогда, что она замужем. Так что, прежде чем позвонить в дверь, она шёпотом предупредила об этом Олега.

– А ты сделай вид, что мой взрослый сын. И мы тебе с невестой подыскиваем дом рядом с нашим.

– А если он потом узнает? Ведь отче будет лобзать отроковицу по полной программе.

– Продав дом, бабник этот отсюда уедет. И это для меня будет большое благо. Как и приезд твоего отца, которого могу выдать за мужа в разговоре с Кареном.

Тот как раз удивлённо открыл дверь. Глаза его вспыхнули при виде Ирины и стали жёсткими, когда он перевёл их на молодого высокого мужчину рядом с ней.

– Здравствуйте, Карен. Хочу, чтобы сын осмотрел ваш дом. Скоро мой муж привезёт его невесту. И мы решили на свадьбу им подарить дом у моря.

Карен в ответ не поздоровался, а просто слишком тесно обнял Ирину и кивнул «сыну».

– Я уступлю в цене. В Нальчик уеду, мама старая совсем, – сказал он уже Олегу. Тот, тоже не здороваясь, спросил «сколько». И после того, как Карен назвал цену в двести пятьдесят тысяч, начал торговаться на сто восемьдесят. Порешили на двухстах.

– Но сперва Аня посмотрит, – предупредил Олег Карена, ударив по рукам посреди большой неуютной гостиной. К Ирине он снова полез обниматься на прощание.

– А когда муж приезжает? – спросил он у неё интимным голосом.

– Сегодня ночью.

– Жаль, не успеем ничего, – сказал он так, будто секс у них случался уже раньше. Олег сделал грозный и ревнивый вид. Вошёл в роль сына.

– Ну-ну. Всё отцу скажу, – метнул он на «мать» и Карена молнию глазами.

– Хорошо сыграл. Тебе и в писатели, и в артисты – прямая дорога.

– Среднестатистическая профессия между этими двумя – сценарист. Именно её я выбрал.

На улице Ирина остановилась, припоминая путь к следующему дому, который не выбрала. Тот был подальше от моря, из окон не мелькала его полоска. Но сам домик был не таким примитивным, как тот, что она купила из-за близости к воде. Этакий заковыристый, с башенкой сбоку.

Дом они быстро нашли, отправившись в сторону от моря. Но табличка «продаётся» с него уже была снята.

– Продали, наверное, молодые этот дом. Развелись они и делить решили деньги, а не территорию.

– Так что судьба Карену дом отцу продать. Одно плохо – один ловелас убудет – другой прибудет.

– Что ж, судьба моя такая – нравиться искушённому.

Олег от возмущения даже остановился.

– Искушённому? В каком смысле, умеющим без мыла в любую дырку пролезть?! – От возмущения Олег даже остановился посреди дороги, хотя к нему уже приближалась машина. Ирина оттянула его за руку в сторону с асфальта на обочину.

Но Олег сопротивлялся, иллюстрируя этим выражение «настоять на своём» – внезапно остановиться, не продолжать движение или дело, пока собеседник не согласится с его мнением. Но рассуждать на эту тему она не стала. Пусть это остается только её привычкой вдумываться в отдельные слова.

Пожала плечами, формулируя для себя самой, что именно она вложила в вырвавшееся слово.

– Искушенный – тот, кого регулярно искушают. Предлагают ему себя, соблазняют, привораживают, интригуют. Как правило, это люди красивые, богатые и знаменитые. Твой отец не знаменит, ты говоришь, что и богатство у него среднее, а не огромное. Так что он, скорее всего, красивый и сексуальный. И поэтому его искушают, и он поддается. Иногда по инерции.

– Почему меня не искушают? Я что, не красивый? – В голосе парня прозвучала почти детская обида.

– Как же не искушают, если к двадцати годам у тебя трижды были серьёзные отношения с девушками.

– Но их всех увёл... отец! – Горечь разъедала Олега изнутри, как он ни старался забыть о своих поражениях. – Я знакомлю девок с отцом, и они тут же переключаются. Доминирующий самец, – он всё ещё очень и очень злился и комплексовал.

Надо ему объяснить главное – молодая женщина выбирает того, кто может и захочет дать ей родить ребенка. А выйти замуж за ровесника – это либо обречь себя на скорый развод из-за споров о том, что рожать ещё рано, либо – на развод чуть более поздний, когда неудовольствие парня от того, что любимая растолстела из-за беременности, и всё это вместе или по отдельности не погонит его в чужую постель.

– Понимаешь, отец твой больше старается, потому что ему хочется выиграть сражение за юную красавицу именно у тебя. Потому что вскоре, когда ты заматереешь, оперившись в материальном плане, он будет проигрывать тебе своих любовниц как более молодому сопернику. Он берёт у тебя фору, – Ирина придумала этот аргумент на ходу. Но по выражению лица парня угадала, что это то, что он втайне хотел бы услышать.

Ирина и сама не знала, была ли искренней с парнем или просто хотела его подбодрить. Хотя мы не всегда понимаем, что любая ситуация – она многогранна. И в уме его папашинеловелася могли быть все возможные мотивы. Так что всё, что можно сказать о реально случившемся, – всё и оказывается правдой. Только сам отец что-то осознает, а что-то нет. Как и любой другой человек в любой другой психодраме. Мы склонны себя щадить, не называя некоторые вещи своими именами. Увы.

Оба члена экспедиции устали. И вечерний чай в беседке пришёлся как нельзя кстати. Олег уже привычно принёс сам все чайные «прибамбасы».

Почему-то ему захотелось принести смешную сахарницу в виде пузатой керамической кастрюльки и толстые обливные синие чашки из глины, а не те чудесные фарфоровые, которые предлагала сама Ирина. Чай в таком «море» казался синим.

– Вечером искупаемся, – предложил Олег, с удовольствием отхлебывая терпкий чай с бергамотом. – Мне чай напомнил о море.

– Конечно, искупаемся. Тебе надо утопить злость и зависть. В конце-то концов, не привёз бы он сюда твою бывшую девушку, если б в глубине души не хотел её вернуть.

– Нафиг мне эта предательница. Переходящее красное знамя! – притворно возмутился Олег.

– Если она сама захочет к тебе вернуться, то, значит, осознала свою ошибку. А отец просто раскаивается.

Олег допил чай, опустив глаза. Лицо его потемнело снова.

– Что за туча набежала на светлый лик твой? – имитируя старорусский выговор, спросила Ирина.

– Вот вы мне уже обещаете её возвращение. А ведь отче сказал, что дом нужен им на двоих. Вдруг она беременна, они женятся? Не переживу ли я ещё один стресс?

Ирина весело рассмеялась:

– Разумеется, только Богу известно, что будет. Но Дейл Карнеги советует переживать неприятности по мере их поступления, а не заранее.

– Но не лучше ли готовиться к плохому.

– Лучше. Но как?

Оба молча встали и пошли переодеваться для похода на пляж. Олег вышел первым. Остановился у пруда, как у зеркала, и стал разглядывать худощавое и почти не загорелое тело в воде.

Ирина вышла и подколола парня:

– Что, Нарцисс, любишь свою красоту у озера?

– Своей бледнотой.

– Ну и отец твой вряд ли уже загорел, – парировала Ирина. – А у тебя ещё есть пара часов, чтобы позолотить под солнцем шкурку.

– Ага, и стану я золотым руном.

– Не преувеличивай, шерсти на тебе немного, – отбрила Ирина «остроумца». – Пошли, у моря долюбуйся на прекрасные свои черты.

Олег опять остановился и серьёзно посмотрел ей в глаза.

– Честно скажите мне – я красивый или нет.

– Ты симпатичный. Красивым станешь завтра, когда распустишь павлиний хвост перед той, кто своим выбором повысит или понизит твою самооценку.

– Думаете, что конкуренция красит?

– Но не белит же, – пошутила Ирина. А про себя отметила, что парень-то и вправду красавец. Просто не упивается этим. И потому проигрывает тому, кто уже получил свою тонну комплиментов. Что ж, осталось немного времени, чтобы узнать, кому по плечу «Анюта с сиськами».

Вечера у моря подкрадываются «на мягких лапках», будто громадный пушистый дымчатый кот.

Слишком жаркие здешние вечера – томные, ленивые, с небом, которое из красноватого становится тёмно-фиолетовым, душными не бывают из-за довольно сильного бриза. Запах огромной массы воды – не всегда чистой – в нём есть что-то запретное. Если утром от моря пахнет арбузом, то к вечеру «усталым морем». Потным. Во всяком случае, летом.

Ирине впервые придётся приноживаться к Чёрному морю в холода. Ведь теперь она сюда переехала, сдав московскую квартиру, – всё же частично ей пришлось взять кредит – гонораров от книги не хватило на этот домик. И теперь арендная плата отправлялась в банк на уплату долга, благо сдала квартиру Ирина дочери давних знакомых. Она отпочковалась от родителей, поскольку оказалась лесбиянкой и начались репрессии в её сторону. Ирине тоже казалось странным, как можно физически желать женщину. Это всё равно что пытаться открыть дверь не ключом, а другой замочной скважиной. Но она привыкла к тому, что перестала понимать всех тех, кому сейчас от восемнадцати до двадцати пяти. «Нечитающее поколение». То есть эсэмэсострочилки. В отличие от литератур, всяческие книги по психологии ими скачиваются. Они хотят иметь «личностный рост» и персональный миф. И под этим соусом Ирине и захотелось «впарить» (как бы они выразились) действительный опыт и реальные наблюдения. Потому что сама она сначала прожила полжизни, работая с людьми, а потом начала читать и писать о психологии. Она может применить все новые теории к собственной практике и психике. И некоторые из них, скорее всего, проверку прожитой жизнью не пройдут. К слову сказать, вся теория Фрейда зиждется только на примере одной единственной пациентки. Ну и его собственной жизни, разумеется. А поскольку ни разу не повторяется ни одна ДНК, то и обобщать вообще вряд ли возможно. Но если описать что-то своё и в этом кто-то увидит себя, то можно считать, что прожил не зря. Нет ничего интереснее своей судьбы. Даже в ретроспективе. И даже в ней хочется найти то, что ты упустил из-за того, что не начал изучать психику человека раньше.

Ирина встала, намереваясь полить грядки и цветы, поскольку солнце зашло. И застала за поливом Олега. Он пускал вверх фейерверки воды из шланга. Огурцы уже плавали в воде, и поэтому Ирина показала ему рукой на цветник.

– Распределение ресурсов говорит о приоритетах. И огурцы явно для тебя важнее роз, – заметила она, когда Олег неохотно перешёл к поливу клумбы, перестав заливать всё вокруг, а просто отбывая обязанность.

– Пошли на море! – сказал Олег. А то скоро уже совсем стемнеет.

– Пожалуй, иди один. Мне нужно гостям твою комнату подготовить. А ты ляжешь на диван в гостиной.

Олег замялся:

– Я – против. Останусь в своей комнате, – морозным голосом сказал Олег. – Не хочу потом всё время думать, что они трахались в моей постели! – выдавил он сквозь зубы.

Можно себе представить, какие картины могут померещиться молодому парню перед приездом бывшей любовницы, изменившей ему с отцом.

– Они приедут усталыми и вряд ли накинута друг на друга в чужом доме через стену от спальни сына и бывшего любовника. Даже если они купят дом завтра, то всё равно армянин оттуда должен съехать. На это потребуется время... и...

– Но я свою спальню им уступать не собираюсь. Не люблю ничего временного, страдаю не на своём месте. Пусть умещаются на диване, надеюсь, он не раскладной.

– Раскладной вроде, – вздохнула Ирина. Она сама ещё толком в этом доме не освоилась, – и ты его тогда разложи, я его накрою простынями и возьму из наших с тобой спален по подушке. Других-то нет.

Олег молча пошёл раскладывать диван и грохнул им так, что со двор было слышно. Ирина дождалась, пока он нервно побежал к морю, и только потом начала устраивать постель. А пока вернулась в беседку. И начала разглядывать узоры чайнок на дне своей чашки. И ясно увидела картинку, как мужчина подталкивает женщину в спину к другому человеку. Все трое были коротконогими, потому что дальше в чашке было дно. Но ситуацию можно трактовать однозначно. Или нет?

Почему, собственно, она решила, что отец приедет вернуть девушку сыну? Потому что сама бы так сделала? А может, отец Олега – садист и хочет сильнее ощутить триумф или просто поставить Олега перед фактом, что «былых возлюбленных больше нет», как в знаменитых стихах. Но только в них совет – не возвращаться к ним. И что тогда – Олег будет подталкивать меня к своему отцу? Или отец меня к Олегу?!

Олег стоял у входа в беседку и смотрел, как Ирина вертит задумчиво чашку.

– И что, увидели судьбу? Диван разложен. Я иду купаться.

– А я – готовиться к приёму гостей.

Олег помедлил, желая что-то сказать. Но махнул рукой. И всё же уже уходя обернулся и сказал намеренно легкомысленно:

– Если вы хотите заполучить отче, то надо покраситься и нарядиться. Он даже дома ходит в халате с кистями. Во всяком случае, при маме.

– Уже бегу, теряя тапки, – пошутила она вслед. И подумала, что вот и разгадка знаков на дне чашки – это её, а не Аню один мужчина подтолкнул к другому.

И она пошла краситься. Не любила она слово «мейк-ап». «Макияж» нравилось ей оптимально. Но лучшие в этом смысле времена пришлись на простое слово «краситься». В своё время это были даже не тени, а некосметические карандаши. А тушь для ресниц «Ленинградская» была похожа больше на крем для обуви. Но именно в результате приложения чёрного и синего её серо-голубые глаза приобретали глубину и синеву. И именно они всегда пленяли мужчин.

Но в этом доме ещё не было у неё туалетного столика в ванной. Только зеркала над раковиной в ванной. Зато на нём был специальный свет для бритья и макияжа. Поэтому процесс прошёл успешно. Глаза уже не те, зато они удлинены морщинками вверх. Ирина одну из них закрыла стрелками. Нанесла на щёки и губу помаду – румян у неё по новому месту жительства ещё тоже не завелось. Но результат её порадовал. Нацепив серьги в тон глазам, она от их мерцающего покачивания радостно заволновалась. Сердце заколотилось: а вдруг ей ещё раз в жизни предстоит флирт. Если не любовь?! Нет, нет, только не это.

Дело даже не в возрасте, а в том, что у неё по крови движутся тромбы, пока ещё не истреблённые полностью лекарством после второго инфаркта. После первого с помощью радиохирургии её успели спасти за полчаса до смерти. В любой момент они могли сбиться в один большой и сделать её трупом или овощем – в зависимости от того, застрянут в голове или в сердце.

И поэтому она решила: никогда и ни с кем сексом не заниматься – опасно. Про четвертое замужество и вовсе речи нет. Но возможность отбить мужчину у другой женщины её радовала.

– Вот уж кто не может осуждать других – на себя посмотри, злыдня, – Ирина по-девчачьи показала язык своему отражению, оно ей понравилось необыкновенно, и отправилась готовить ужин на четыре персоны – простыни и наволочки же просто кинула на диван: пусть Аня сама заботится о ночлеге. А Ирина пока будет соблазнять «отче». Кстати, как его зовут. Ах да, в договоре Олега значилось отчество Макарович. Макар, который телят не пас. Только «тёлок».

Вернулся Олег. Мокрый и решительный. Но войдя на кухню, где Ирина уже включила свет, наткнулся взглядом на её разукрашенные глаза и остолбенел.

– Вот это да, – почти шёпотом сказал он.

– Вся наша красота – наполовину французская косметика.

– Да-а. То есть надо всё же иметь, на что её намазать.

– Нанести. Но в комплименте я к словам придираюсь не буду.

– Я... Я – в душ, – сказал Олег так, будто вернуться ему предстояло в постель, где его будет ждать обновлённая и улучшенная версия Ирины.

Она обрадовалась его реакции. Значит, «такая корова нужна самому?». Что-то у неё сегодня в мыслях целое стадо парнокопытных.

Воцарилось неловкое молчание.

– Ещё час назад мне бы показалось диким, что у нас что-то может быть. А сейчас... – улыбнулся Олег. И не понятно было, шутит он или говорит то, что в голову пришло.

– Давай ты сосредоточишься на возвращении Анны. Как известно, за двумя зайцами погонишься...

– Ни одного не поймает. А вы думаете, можно поймать хоть одного, если мчаться за ним?

– Нет, но если заяц сам бежал навстречу и запутался в сетях...

– Это вы про отца?

– И про Анну тоже.

Олег сделал в воздухе некоторое движение, будто делал зарисовку.

– Тогда зайцы запутались друг в друге. Да и вообще, сети на зайцев не ставят. Они могут их перегрызть.

Ирина подняла вверх руки, сдаваясь:

– Значит, кружевную блузку надевать не буду, чтоб никто не перегрыз. Надену оранжевую блузку с торчащими вверх морковками груди, – съехидничала Ирина и ушла в свою комнату, предоставив мыть посуду Олегу. И он мыл её вдумчиво, выжимая из губки много нежной пены. И ему нравился процесс.

– Ну чистый Фрейд, – сказал он зло, бросив резко губку и решительно ополоснув руки. – Хм – морковки груди...

Ирина в своей комнате открыла компьютер и попыталась разыскать отца Олега в соцсетях. Его там не оказалось – во всяком случае, по фамилии и имени. Это успокоило Ирину. Значит, он предпочитает знакомиться с реальными женщинами.

– Да зачем мне это. Мне же ничего нельзя. Моя задача – дать повод Анне переключиться снова с отца на сына. А остальное – мрамор, который надо отсечь от статуи и выкинуть – не делать из отходов крошечные статуэтки собственных романов.

Ирина пошутила на счёт морковного платья. Такого в принципе не было. Она решила встретить гостей в слим-джеггинсах, по виду напоминающих джинсы цвета индиго, и размашистой голубой джинсовой рубашке поверх обтягивающей грудь тесной майки. Не позорно, не вызываясь, по-домашнему.

А Олег поймал себя на мысли, что теперь ждёт приезда отца. И ещё то, что очень по нему соскучился. Может, простить им связь? Пусть живут летом по соседству от нас.

– Вот дурак! Меня же контракт заставили подписать специально на случай увлечения. Да и Аня, что говорить, – хороша. Глаза у неё чёрные, большие, шея – как колонна. А про грудь... про грудь и речи нет. Пышная, большая при умеренных формах. Ну и волосы тёмными волнами на белой коже. Она любит делать причёску, когда конский хвост спускается на плечо сбоку.

В мечтах оба и не заметили, как пришло время прилёта рейса «отче и иже с ним». И Ирина переодевалась судорожно, когда услышала звук тормозящего у дома такси.

Сперва из такси вышла женщина, ей из глубины машины подали ребёнка. А потом вышел среднего роста жилистый мужик, и они с водителем стали вынимать сумки из багажника. Ирина увидела, что им навстречу идёт потрясённый и растерянный Олег. Он с трудом пере-

ставлял ноги, пытаясь выработать систему поведения в неожиданных обстоятельствах. Что и говорить, малыш в этой ситуации был непредвиденным фактором.

Ребенок, судя по всему, спал. Его жёлтая одежда фосфоресцировала в свете фонаря над машиной, отбрасывающего свет и на дорожку, ведущую к дому.

Женщина тащила его привычно, правильно. Олегу она улыбалась дружелюбно. Ему ничего не оставалось, как обойти её, умирая от любопытства, и подойти к отцу, чтобы помочь с сумками. Отец его обнял радостно и крепко. Олег ответил тем же. Ребёнок их примирил, сделал невозможным возврат к прежнему. Ирина поспешила в прихожую и широко распахнула дверь навстречу молодой матери.

Анна вошла, не без любопытства взглянув на Ирину. Личико узкое, глаза бледно-голубые, почти белые. Волосы русые, зализанные. В ней чувствовалась некая глуповатая инфантильность, пока она не прошла в спальню Ирины, куда была открыта дверь, и не положила малыша на кровать.

Грудь её была и впрямь выдающаяся – далеко. Но и вся фигура оказалась после родов и кормления чуть оплывшей.

– Располагайтесь, – сказала Ирина приветливо, – ванная справа от вас. У каждой спальни своя, так что можете искупаться одновременно, – сообщила она тоном радушной хозяйки. Так уж вышло, что самой ей коротать ночи придётся в гостиной. Не устраивать же сцену молодой мамаше, мол, забирайте своего ребёночка – и в холл. Про себя она эгоистично вздохнула. Но показывать недовольство не стала. Пошла на кухню. Сумки мужчины уже занесли в комнату Олега.

– Здравствуйте, добрая самаритянка, – комплимент со стороны «Отче» был весёлым и непринуждённым.

Олег вспомнил, что не назвал имён.

– Ирина. Макар, – он по очереди указал на обоих.

– Какие у вас... – застопорившись взглядом на глазах Ирины непроизвольно вырвалось у Макара, – шкафы на кухне красивые. По ним вы целый сад нарисовали, – чувствовалось, что начал он говорить про синие очи, но одернул себя: незнакомая женщина, может, у них что с сыном наметилось. Стушевался ловелас. Его нельзя было назвать старым. Лицо как из камня высеченное, глаза пронзительные, непонятного цвета и глубоко посаженные. Так представляла себе в детстве Ирина рыцарей-крестоносцев.

– Сама садик я садила, и не надо поливать, – отшутилась Ирина. – Это пока всё, что я успела сделать в доме после покупки. На счёт дома для вас мы договорились сегодня (или уже вчера, раз перевалило за полночь) о просмотре на двенадцать дня.

На кухню пришла явно побывавшая под душем Анна. Она выглядела измученной.

– Ну что, к столу?! – глядя на Макара спросила Ирина. – А то я наготовила – съесть без вашей помощи мы с Олегом не сможем.

– Я – как волк. Я – есть что я ем, – заявила Макар.

Анна же смущённо промямлила:

– Разве что салатик попробую.

Олег стал вынимать из холодильника чашку с салатом и тарелку с котлетами.

Женщины доброжелательно поглядывали друг на друга. Отец и сын словно насмотреться друг на друга не могли. Наверное, раньше, до этого разрыва, они в полной мере не знали, до какой степени любят друг друга. Оба люди критичные, остроумные. Таким и в голову не приходит на американский манер изъясняться в родственных чувствах. Вообще, как-то у нас не принято говорить родне объяснения в любви. Об этом очень ёмко написала в своё время в рассказе «Свои и чужие» королева русской сатиры Надежда Тэффи. Вкратце смысл рассказа – если чужой говорит, что простудился, – ему вежливо сочувствуют, если на простуду жалуется свой, то его ещё и обругают, что ходил без шарфа, да ещё добавят, что сам виноват.

За весь ужин они не произнесли ни слова. Потому что появление ребёнка требовало указания времени его рождения: кто этот малыш – сын Олегу или брат? И удастся ли это установить в принципе, даже генетический тест не обязательно внесёт полную ясность. Ведь во многом у них одни гены. Но разные фены.

Ирина расспрашивала Анну о смешных случаях с малышом. Молодая мать рассказывала весело, но на сленге. Было видно по теням на лице, что её слова-паразиты типа «в натуре», «легко», «по жизни» слегка раздражали обоих мужчин. Тени пробегали по их лицам. Словно Ирина была неким критиком, который как раз сейчас оценивает их родственницу. Нет, Аня явно не была деревенской или провинциальной девочкой. Скорее родом она из какого-нибудь пригорода Москвы, например Люберец. Её совершенная красота лица и тела немного упрощалась её словарным запасом, как у Элочки Любоедки. Ну, может, чуть больше. Ирине молодая женщина нравилась. Похоже, Ваняткой она занималась страстно, читала разные книжки, как его развивать. Но её интерес к прочим делам намного снизился. К Макару она стала относиться с долей скепсиса, он уже не казался ей всемогущим. Всё это Ирина поняла, когда она обронила в сторону гражданского (а может, и законного) мужа фразу:

– Не налегай на ужин, с твоим-то дырявым желудком.

В тоне сквозила не забота, а снисходительное указание на возраст, в котором муж уже нуждается в ограничениях. Лицо Макара слегка перекосило, но он промолчал. И Ирина подумала, что в психологическом плане иметь дело с более молодыми и здоровыми людьми, чем ты сам, чревато уколами по самолюбию. Даже когда они не говорят этого напрямую, то в некоторых фразах отсутствует то уважение, которое невольно сквозило, когда нынешние люди преклонных лет были в силе или у власти. Конечно, любые муж и жена через три года перестают друг перед другом «крутить рекламный ролик». Все маски уже сорваны. А если нет, то кто-то из них наверняка брачный аферист или законченный идеалист. Только эти два типа людей говорят партнерам только то, что те хотят услышать.

Впрочем, все эти мысли мелькали у Ирины в голове как бы между прочим. Ей было жаль, что отец ел молча. Магия его голоса не рассеялась, а укрепилась при встрече. И она решила взять инициативу на себя.

– Макар, вы хотели бы переночевать в комнате с сыном или туда перенести из моей спальни вашего Ванюшку?

– Нет-нет, буду спать в комнате сына. Мы так долго не виделись.

– Тогда я на пару ночей перейду в гостиную на диван. Надеюсь, вы купите дом уже завтра.

– Ой, простите меня, это я перейду на диван, – Аня даже покраснела за свою невольную неловкость.

– Ну что вы, малышу тоже нужно место. Давайте сделаем из чего-то барьер. У меня есть материал для москитной сетки, её пока на окна не установили. Пойдёмте, примотаем его к спинкам кровати с одной стороны.

Но Макар тут же встал с места, уже стоя допивая чай из мяты.

– Что вы, тут нужна мужская сила. Сын, пойдём твоему сынишке обустроить ночлег.

Поднявшийся было на ноги Олег от этого заявления буквально рухнул на стул обратно. То, что он был изумлён и растерян, читалось сразу. Но обрадовало ли его известие, что Ванюшка его сын? И поверил ли он в это.

Но отец протянул ему руку и помог подняться, улыбаясь заговорщицки.

– Да, я был бебиситтером не у сына, а у внука. И эту покупку дома я задумал, чтобы поселить молодую семью, – Макару нравился произведённый эффект. Видно, эту реплику он готовил тщательно. И не прогадал со временем.

Олег протянул отцу руку и встал. Они так и пошли в спальню Ирины не разжимая рук. Так, наверное, в детстве Макар тащил малыша Олежку в детский сад. Только теперь сын стал на голову выше отца.

Ирина тоже растерялась, но она ведь оказалась права на счёт того, что Макар привёз Аню, чтобы вернуть её сыну. Да ещё не одну.

Ирина посмотрела на Анну, её вся эта сцена растрогала. Но рада ли она тому, что случилось?

– Анечка, вы решили вернуться к Олегу? И как вы жили всё это время без него?

Анна молчала. Она делала вид, что собирает посуду.

– Аня, я умираю от любопытства. Я написала книгу с психологическим анализом моей жизни. Но такой ситуации, как из мексиканских сериалов, не было даже у меня, безумной.

Аня явно испытала облегчение, когда Ирина обозначила свой интерес не как личный, а как научный.

– А вы будете против того, чтобы Олег вернулся ко мне? У вас с ним что-то было? – Все же она хотела расставить точки над «и». Ирине благо скрывать было нечего.

– Что вы! Мне пятьдесят восемь. А ему лет двадцать пять?

– Двадцать четыре, – поправила Анна. И засмушалась. – Я ушла от него к Макару за два месяца до нашего разрыва. Но когда осознала, что беременна, срок был три месяца. И с этого момента Макар перестал со мной спать. Он стал относиться ко мне, как к дочери. Кормил, отвозил к врачам.

Всё стало ещё хуже, когда ребёнок родился. Ну, я имею в виду, что Макар отдалился ещё больше: нанял Иванушке ночную няню. Сам стал только завозить продукты раз в неделю. И всегда делал вид, что торопится. Наверно, у него уже был кто-то ещё.

– Надо было спросить.

– Говорит, что нет. Мол, у него теперь чувство вины, что из-за своей прихоти он потерял сына. Не хочет усугублять ситуацию. И, оказывается, когда родился Олег, он с женой тоже не мог спать – у него к ней появилось чувство, будто она стала матерью не только Олегу, но и ему самому. Он, видите ли, не может сексуально покушаться на Мадонну с младенцем.

– Это комплекс. Или фобия. Но не выдумка для отмазки, раз и с женой не спал.

– Говорит, тогда-то и привык иметь пару вариантов на стороне. Благо деньги появились.

– Ну а вы сами, Аня, вы к нему что чувствуете теперь.

– Да ничего. Благодарность разве что. Он вписал имя Олега в свидетельство о рождении Вани. Много раз порывался позвонить сыну и всё рассказать вместо меня. Но не решался. И только когда ему сказали, что Олег уехал на лето пожить у знакомой, он испугался, что вы тоже забеременеете и это всё осложнит. Вот и решил подыскать тут дом и заодно разрушить стену молчания. Мы собрались за день. Дом и правда обещал купить. Нам с Олегом. Или нам с Ванюшкой, если Олег нас с ним не простит или не поверит.

– Он, Аня, всё ещё влюблён, злится. Но я ему всё объясню завтра за работой.

– Думаете, есть шанс, что он вернется ко мне? Я так настрадалась без секса, без моральной поддержки.

– Зато теперь Олег может на вас жениться, не опасаясь измены в своей семье.

– Да я вообще...

Но Ирина жёстко пресекла готовую вырваться клятву.

– Не надо ничего обещать. Жизнь длинная и непредсказуемая. Пойдёмте-ка все спать. Завтра у вас день обретения собственности. Независимо от всего остального это событие грандиозно само по себе.

Олег с отцом быстро натянули сетку. Отец прикрыл дверь. И сказал, не глядя в лицо сыну:

– Я трахался с Анькой всего пару дней после твоего отъезда. А потом – ни-ни. Оказалось, что у неё срок беременности на месяц с лишним больше, чем срок, когда мы с нею переспали. Ваня – твой сын. Я жил отдельно, только помогал ей материально и в оргвопросах.

– Оргвопросах? – зло хмыкнул Олег.

– Я дал взятку, чтобы сына записали на твоё имя. Платил няньке и привозил еду. Анькина мамаша сказала, что раз дочка в подоле принесла, то пусть несёт мимо их двери. Даже встречать из роддома вместе со мной отказалась. Но отец пару раз тайком забежал на внука взглянуть.

– Так чего ж ты раньше мне всё не рассказал?

– Решил вместо тебя тянуть лямку в первый год после рождения внука. Чтобы расплатиться за своё желание перешеголять молодёжь в вопросах секса.

– Ну и дурак, – непонятно о ком высказался Олег. Не то о себе, не то об отце.

– Я ведь так страдал. А ты...

– Думаешь, ты смог бы или захотел бы помогать девке, которая тебя бросила? Подумал бы, мол, зачала непонятно от кого – от меня или от тебя, а возможен и третий участник. Ведь окончательно всё стало ясно после рождения Ваньки. Согласись, малыш в тебя и твою мать удался, а не в Аню или меня. Не просто красивый малыш, а ещё его внешность – алиби для деда!

Олег очень хотел поверить отцу. Это сняло бы груз с его души. Хотя... всё равно ведь измена и подлость со стороны двух самых важных в тот момент для него людей были. Да, раскаялись. Да, поплатились. И, что говорить, любовь не прошла. Но из неё навсегда исчезло доверие.

– Отче, я всё понимаю – головой. Да и Ирина мне предсказала, что ты приехал Аню мне вернуть. Но это означало бы, что ты ею вроде украл, попользовался, а потом решил вернуть.

Макар сидел на краю кровати, сцепив руки в замок. А теперь ещё и голову опустил.

– Согласен. Так оно и есть. Я – эгоист, я плохой человек, я стареющий донжуан, поспешивший подгрести под себя как можно больше тел и душ. Заодно и Анькину. Но я понял, что тебя я боюсь потерять больше, чем всех остальных вместе взятых. Ну, за исключением Иванушки, само собой. Да, он – следующее звено в цепочке моего эгоизма. Я люблю тебя, как часть себя, а его – как часть тебя. Хорошие люди, наверное, как-то по-другому любят.

– Об этом тебе с Ириной нужно поговорить. Она как раз написала книгу по психологии. Причём пытается найти в собственной биографии проявление разных там теорий, течений. Я ещё мало прочёл. Но понял одно: все мы крепки только задним умом. Что толку копаться в прошлом. Его мы мысленно отредактировали, вымарали всё нас перед собой унижающее, идеализировали и подогнали.

Макар с надеждой посмотрел на сына. Тот говорил с горечью, но сцену закатывать не стал.

– Слушай, а у тебя с этой Ириной – что?

– Опять... думаешь, если она моя – захочешь её отбить? Должен тебя разочаровать. Нас связывает её работа. И мой отдых здесь «на халяву», за небольшую помощь. Ирине нужно мнение молодого поколения о её книге. Думаю, она хочет научить нас жить в том смысле, что на своей практике убедилась, что из теорий имеет отражение в практике, а что – туфта для гонорара. И обращать на всякие техники личностного роста, как и на фрейдизм, внимания не стоит. Быть или казаться и всё такое...

Макар прислушался к приглушённым голосам женщин на кухне.

– Пошли ещё чаю с мятой выпьем. Больно уж красивая она, Ира-то.

– Ира?! – Олег ткнул отца в бок. – Она старше даже тебя намного.

Макар приостановился и практично уточнил:

– На сколько?

– Ей пятьдесят восемь. А тебе – полтинник. Но она... она какая-то... не старая. Хотя особо и не молодится.

Макар встал с постели и потянулся.

– Давай глотнем горячей мяты – и в койку. А то проснётся твой Ванька-встанька и начнет вякать, опять не выспимся. Он так шалил в самолёте – вы с ним ещё сами наплачетесь. Юла, а не мальчик.

Глава шестая

Все проспали на следующий день, даже малыш. Поэтому завтракали, стараясь умять всё быстрее, чтобы успеть подкрепиться перед осмотром дома.

Вечером диспозиция прояснилась. Никого уводить не надо. Противник сдался добровольно.

Поэтому утром у Ирины была не нанесена косметика – и краситься перед походом к страстному армянину Ирина уж точно бы не стала.

Деревья на той улице, по которой они двинулись кавалькадой, смыкались высоко над головами и пахли как-то... лечебно. Шли медленно, наслаждаясь красотами, – Олег с Аней по очереди несли малыша. Он всё время тянул ручки к тому родителю, который его только что отдал. Олега как чужого он не воспринял абсолютно – что значит голос крови.

Впереди них шли Макар с Ириной. И оба испытывали неловкость. Макару надо было придумать, что рассказать, а что нет Ирине. Он же не был в курсе, что ей легко удалось расколоть Аню вечером. А Ирина думала о том, как бы сейчас предупредить Макара, что он ей – муж: она ведь соврала вчера приставале, что приезжает её муж с невесткой. Если Анне с Олегом дом не понравится, то положивший на неё глаз сосед захочет зимой положить себя полностью на одинокую дамочку, которая, конечно, за счастье почесть должна.

– Как странно растут деревья на этой улице – как иголки у ежика на спине.

– Так ведь тут параболой изгибается местность.

– А удобно ли тут катить коляску?

– Вы стали настоящим отцом, которого волнуют странные для мужчины вещи.

– Да нет, нормальным дедушкой. Теперь по выходным даже бывшие плейбои не стесняются выгуливать «породу».

– А я вот дважды не доносила детей.

– Что ж, скоро обзаведетесь внебрачным внуком, – засмеялся Макар своим призывным смехом.

– В смысле?! – Ирина подумала, уж не делает ли он ей предложение так – с бухты-барахты. Макар откровенно хохотал.

– Да не пугайтесь вы так. Жениться я на вас не собираюсь. Я про то, что вы подружились с Олегом и Аней. Думаю, что время от времени они будут скидывать на вас Ваньку-встаньку. Хотя бы когда он уснёт. Оба слишком долго не занимались сексом, начнут навёрстывать.

Ирина была слегка уязвлена таким категоричным отказом жениться. Она слишком привыкла, что все мужчины более-менее подходящего возраста стремятся с ней жить. Хотя бы вежливей выразился, что ли. Но она решила использовать его промах специально, чтобы рассказать о своей лжи во спасение.

– Конечно, вы не собираетесь на мне жениться. Ведь мы уже лет двадцать пять, как в браке с вами. Я так сказала приставучему соседу, что приезжает мой муж с невесткой, а Олег – мой сын.

Макар оторопел и расхохотался ещё громче.

– Тогда нам нужно срочно перейти на «ты». Мы ведь уже на подходе. Издали вижу любопытный нос продавца дома в окне.

И Макар... притянул Ирину к себе и впился ей в губы. От неожиданности и болезненности поцелуя она вырвалась из объятий.

Макар снова обнял Ирину и сказал на ушко:

– Чуть меньше удивления от почти невинной ласки. А то наблюдатель решит, что я импотент, раз жена так удивляется тому, что муж её целует.

Ирина изобразила улыбку, отстраняясь, и посмотрела на мужа кокетливо.

Армянин сменил диспозицию и уже, широко распахнув дверь, вышел на крыльцо. Рубаха была не застегнута, и под ней кустилась шерсть, перелезая на шею. Зато на голове волос было не так уж много. Вот уж точно говорят, что лысина вытирается об чужие подушки.

– Добро пожаловать, дорогие покупатели! – с акцентом восточного базара пропел Карен. – Я уж и чемодан упаковал.

– Ну, мы вам ничего не обещали. Деньги-то муж даст или не даст, – Ирина мимолётно прижалась к плечу Макара и просящим взглядом посмотрела ему в глаза.

– Куда я денусь с подводной лодки, – довольно ухмыльнулся Макар, – своё, родное – оно должно жить лучше всех.

Карен довольно потёр руки, пропуская покупателей внутрь. На кухне стояла какая-то пышнотелая женщина с русой косой. Но она шмыгнула в другую комнату. Видно, статус её в доме был промежуточным между уборщицей и любовницей, а от хозяйского пока ещё далёк.

Комнаты очень понравились Ане. Малыш загугукал на руках одобрительно, желая поползать в новом доме. Макар же оглядывал всё цепким взглядом, не гнушался и пальцем штукатурку потерять.

– Венецианская штукатурка, – тут же пояснил как ценитель ценителю Карен.

– Вижу, – сухо вато отбрил его попытку сближения Макар.

– Сколько лет дому? – уточнил он уже нейтральным тоном.

– Три года. Себе строил. Да жена не хочет тут жить, вернулась в Ереван. Города ей не хватает. Магазины не те, – снова интимным тоном поделился с Макаром Карен. – А твоя, смотри, наоборот – к морю до тебя перебралась. Везёт же людям.

– Зато я вынужден в Москве крутиться. Разве что на праздники смогу сюда приезжать. Хорошо, что сына с невесткой тут поселим, Ирочке моей не скучно будет. Да и не начнут разные ловеласы подъезжать, – Макар посмотрел на Карена с такой грозой, что тот даже попятился.

– Ну, дом продам – уеду. Не могу я к красавице не приставать, – с искренним сожалением сказал любвеобильный армянин. – А она тебе нажаловалась, да? Ладно, больше не буду, – последнюю фразу он обратил к Ирине. Та покраснела.

– Знаю я таких, как ты, – парировала Ира. – «Больше не буду. Но и меньше не буду!» – она пародировала манеру говорить армянина очень смешно. Все рассмеялись, кроме озадаченной словом «жена» Ани. Её, видимо, Олег забыл предупредить на счёт коллективной лжи Карену о том, что Ирина – жена Макара уже двадцать пять лет.

– Быстро это вы пожениться решили, – с некоторой ревностью произнесла она, разрушая тщательно возводимую картину семейной жизни старшего поколения.

– С первого взгляда и до последнего вздоха, – Макар обернулся к «жене» и впился губами Ирине в губы снова. На этот раз поцелуй ей понравился. Она будто и впрямь привыкла к таким выражениям чувств.

Олег же быстренько схватил Анну за подол платья.

– Посмотри внимательнее санузел, удобно тут будет тебе малыша купать? – уводя её сказал он. А уж там на ушко рассказал Анне смысл сцены, разыгранной для одного зрителя.

– Тогда уж и ты меня так поцелуй. Мы ж с тобою тоже якобы женаты.

Олег отодвинул головку малыша и, обняв их обоих, поцеловал Аню. Её чёрные глаза вдруг сделались лучистыми и бархатистыми, чуть прикрылись от удовольствия.

– Я люблю тебя, – дрогнувшим голосом сказала она. А Олег пожал плечами и молча поцеловал её снова.

– У меня сохранилось кольцо, которое я купил, когда собирался сделать тебе предложение, а ты сказала, что уже два месяца у вас секс с моим отцом, – сдавленным голосом сказал Олег. – Хочешь его получить в пользование? – он с трудом поднял глаза на Аню. Она стояла – похожая на Мадонну с малышом на груди и плече.

– Боюсь, ты меня не простил, – сказала она обречённо.

Олег вздохнул глубоко, как перед прыжком в воду. Но решил, что тянуть дальше не получится.

– Не простил. Но и не разлюбил, – будто клятву произнёс Олег. – Но буду жить с тобой. Вот только верить, прости, не получится...

– Давай сделаем так: я сегодня куплю кольцо и попрошу тебя стать моим мужем, – сказала Аня. – Только в тот момент теперь уже ты не скажи, что спал с этой Ириной.

– Конечно, не спал. Но проникся к ней... не знаю чем. Теперь, когда ты будешь слушать её книгу, надеюсь, вместе со мной, ты поймёшь.

Аня уложила малыша и вышла в гостиную.

Макар посмотрел на неё.

– Так что вы решили, молодые? Подходит вам гнёздышко?

– С милым рай везде, – сказала Аня искренне и растроганно.

– Покупай, – кивнул Олег отцу. Все, кроме хозяина дома, поняли, что это больше, чем приобретение недвижимости.

– Ну, тогда вы все – свободны, идите купаться, а мы с Кареном начнём оформлять сделку.

– Вах! – обрадованно вскрикнул Карен и схватил из буфета коньяк. – Мы должны это отметить.

В крошечные пыльные рюмки он плеснул по глоточку для всех из бутылки с виноградной кистью из стекла. Не отказалась даже Аня.

– Я освобожу дом к вечеру. Можете сюда перебираться. Мебель – дарю. – И он полез целоваться со всеми, особенно задержавшись на Ирине.

Макар прервал его лобзания.

– Зачем же дарить – куплю имеющиеся вещи. Да и дело с концом.

– Хорошо, – обрадовался Карен. – Слова мужчины.

Оставив мужчин «ударить по рукам» официально, остальные побрели к дому. Там взяли всё необходимое и отправились к морю. Всю дорогу молодые страстно целовались. Так что Ирина сочла за благо взять Ваньку на руки. Он стал пристально разглядывать её лицо. Глаза его – такие серо-голубые в рамке очень чёрных ресниц чем-то были похожи на её собственные, только синие.

– Неужели ты будешь моим внуком? – спросила она ребёнка. И тот кивнул. А потом положил голову на плечо и прикорнул.

Ванька проснулся на полотенце, лежащем на песке. Прямо перед ним было что-то огромное и синее, и оно было всё время неровным и шипело. Он тут же пополз к морю. Молодые целовались самозабвенно. Так что не мать с отцом, а Ирина поползла за ним. Мальчик протянул руку морю, словно хотел поздороваться. Волна лизнула ладонь. Ванька издал непередаваемые ликующие звуки.

«Наш человек!» – подумала Ирина. И перед её внутренним взором развернулись все возможности вхождения в семью. Радужные были первыми. Но потом она подумала, что Макар так и будет бегать за молоденькими «сосками», как их очень точно называют в народе. И как это будет противно – слушать ложь – ведь менять дислокацию с ухоженного жилья и вкусной еды на салатный лист в холодильнике и секса среди раскиданных вещей ему всё же не захочется. И Ирина решила, что Ваняткой будет любоваться, когда молодые Семёновы будут приезжать в свой дом у моря. Благо, всяко-разно это лето тоже только началось. И про себя решила не допустить сближения с Макаром. Хотя его шарм и не померк. И целоваться он умеет. Но боль и тоска измен для неё непереносимы. Так что и думать долго не надо – буду искать дальше. Идеал – и только мой. Такой результат показал Ирине тест в интернете на тему, какой тип мужчины её. А поскольку идеалы маловероятны в природе, лучше быть одной. Ну то есть

с собакой и кошкой. Их любовь после инфаркта более полезна для здоровья и менее травматична для израненного органа.

Глава седьмая

Макар тоже думал об Ирине. Её глаза его вчера просто заколдовали. Все оттенки грозового неба переливались в них, словно освещённые всполохами света. И это враньё Карену на тему того, что они вместе уже двадцать пять лет, неожиданно ему понравилось. Но... он себя знал. Ирина на много его старше, хоть и есть в ней что-то неизменно молодое и стильное. Но за время после развода он же перебрал целый полк красоток. И каждый раз возбуждение от прикосновения к юному телу – даже и уже изрядно развращённому, вызывало в нём радость жизни и восторг победы – помимо всего прочего. И вряд ли он устоит, если случай подвернётся снова. Вот если б Ирина оказалась не ревнива... Тогда можно было бы не отказывать себе ни в чём.

Макар арендовал машину, как только Карен повёз его в город на своей. Они долго и мучительно оформляли куплю-продажу. Карен за мебель заломил несусветную сумму, но Макар торговался всерьёз и порешили на сумму разумной.

Когда в банке Макар перевёл на счёт Карена деньги, мужчины, измотанные сидением в очередях и хождениями по инстанциям, буквально ввалились в ресторан.

– Нам много мяса и чая, и также литр воды, – сделал Макар заказ мрачной сорокалетней официантке.

– А выпить?! – возмутился Карен.

– Дома допьём твой восхитительный коньяк. Мы ведь теперь оба за рулём.

– Неправильную ты машину выбрал. Слишком красивую. Уведут! Вот и жену ты оторвал такую же...

– Ты на чужой каравай рот не разевай, – строго сказал Макар.

– Была бы она как каравай, так подавился ты сам ею. А она... гитара с грудью.

– Гитара с грудью, – Макар захохотал так, что скатилась со стола бутылка с водой, которую только что поставила на стол официантка.

– Ну а жена у тебя на кого похожа? Толстая, что ли.

– Худая. Но худая корова – всё равно не газель. Раньше, пока она не начала себя и меня голодом морить, у неё попа и грудь были. А теперь грудь стекла, как слёзы, попа – костистая. Задурили бабам головы этими девяносто-шестьдесят-девяносто. А у твоей – грудь красивая, ноги рекламные. Слушай, ты её бросить не собираешься? – В голосе Карена звучала искренняя надежда. И от этого нежелание жениться на Ирине у Макара снова пошатнулось.

«Вечером проверю её на ревность», – подумал он решительно.

– Карен, где тут у вас ночной клуб поблизости?

– Тут нет, но до Сочи недалеко. Там их полно. Отметить там собираетесь? Может, я присоединюсь?

– Ага, чтобы жену мою лапать – я тебе так отмечу на всё лицо, а то и тело...

– Ладно, понял – не дурак, – Карен обречённо вздохнул. И посмотрел на официантку голодным взглядом.

– Ещё раз пройдёшь тут без нашей еды – кусок попы у тебя откушу, – сказал он раздражённо женщине.

Та хотела что-то ответить, но ушла на кухню.

– Твоё сырое мясо, – ехидно шваркнула она на стол бифштекс с избытком крови. А бефстроганов Макара оказался хорошо прожаренным.

– Любят тебя женщины, – позавидовал Карен.

– А тебя – нет? – удивился Макар.

– Меня любят тоже. Но реже, – приободрился мужик. И оба накинулись на мясо с аппетитом изголодавшихся неандертальцев. А для Олега и Ирины тем временем настало время

поработать над книгой. Олег хотел позвать слушать и Аню. Но та пошла укладывать ребёнка и уснула рядом с ним. Олег увидел, что малыш во сне откатился к краю кровати и его головка покоится в ограждении из москитной сетки. Он умилённо сфотографировал эту сцену. Прекрасная, вся сияющая очень белой гладкой кожей с распутившимися волнами чёрными волосами и рядом смешной мальчишка с торчащим светлым чубиком. Так похожий на его собственные детские фото.

Он вернулся в беседку и показал Ирине это чудесное фото на дисплее. Видно было плохо – даже в тени беседки экран аппарата отсвечивал и бликовал.

– Надеюсь, ты переложил Ваньку ближе к матери? – торопливо сказала Ирина. – А то его голова уже свисает. Лежит в сетке, как футбольный мяч.

Олег виновато помчался обратно. Очевидно, отцовские инстинкты в нём пока не развились. А вот основной инстинкт так и бушевал. Ночь им с Анной предстояла бурная. Сладкая и горькая. Главное, чтобы никто из них не взялся вспоминать разрыв...

Олег вернулся, взял ноутбук на колени, потом пересел в самую тень, чтобы лучше видеть свет. И начал читать с того места, где остановился, казалось бы, целую вечность назад. Надо же, наверное, хороший психолог Ирина, раз предсказала, что отец вернёт ему Аню. Да ещё и с его ребёнком в придачу. Кто бы мог ожидать такого благородства от эгоиста и бабника!

В книге Ирины всё ещё шла речь об её детстве. Как бы она ни разоблачала фрейдизм, как основанный на одном-единственном факте, а всё же видит в этом времени фундамент всех последующих чувств и поступков.

Отрывок так и начинался.

«Мне многие говорят, что я знаю мужчин. Как всякое категорическое утверждение это не может быть верным. Конечно, я разбираюсь в людях лучше именно потому, что они меня интересовали больше всего. Глупо играть в компьютерные игры, когда вокруг столько непостижимых характеров, создающих непреодолимые часто преграды. Впрочем, не об этом сейчас речь. Я знакома-то за всю жизнь лично была, может, с тысячей-двумя особей мужского пола. Да и то не близко. У меня побывало в постели «двенадцать апостолов» моей сексуальной жизни, да и то двое по одному разу. С остальными я только общалась, писала о них или о событиях с их участием, снимала телерепортажи, которые их разоблачали. И всегда и все они закидывали удочку на предмет – можно ли её поиметь. Просто хочу сказать, что по прошествии стольких лет я вычленила в тактике и стратегии мужского соблазнения нашей сестры всего три тактики. И узнала я обо всех трёх в шесть лет. Когда после смерти отца и лечения в больнице меня отправили в санаторий «Весновка» на поправку здоровья. Там, на огромной террасе старинного дворянского дома, опоясывающей его со всех сторон, мы спали ночью всем скопом на свежем воздухе. А отдыхало нас тогда в этом детском санатории человек семьдесят».

Олег прервался на секунду и скептически посмотрел на Ирину:

– Вы что, в шесть лет умели считать? Откуда цифра в воспоминаниях о детстве.

Ирина задумалась.

– Ты прав. Тогда я считать не умела. Просто в этом санатории я отдыхала каждое лето с шести до четырнадцати лет. Так что узнала, сколько нас там, позже.

– Но это разрушает доверие к воспоминаниям, – Олег настаивал на своём.

– Ты прав. Убери цифру, сотри этот кусок текста.

Олег удовлетворённо хмыкнул – ещё бы, он «пригодился». И стал читать дальше. Уже кому как не ему были интересны способы оболыщания! Ведь он трижды проиграл своему многоопытному отцу.

«Итак, кровати стоят почти вплоты. На соседней с моей железной койкой лежит мальчик лет пяти. Я не могу заснуть – тяжело на душе. Тело болит. Душа мается от какого-то космического одиночества. Папы больше нет. Маму с тех пор я вижу по разу в неделю – на родительские дни в больнице и тут теперь, в санатории. Вокруг очень красивый сад, полный высоченных

кустов жасмина и сирени – они цветут и благоухают. На террасе полумрак. Полнолуние. Луна – как огромный глаз неба, думаю я. И вдруг слышу, что мальчик на соседней кровати начинает во сне всхлипывать в тон моим мыслям. Я погладила его по руке, чтобы он проснулся и понял, что в действительности всё лучше, чем во сне. Он открыл глаза и резким тоном выговорил мне шёпотом:

– Зачем ты меня разбудила?!

Я оторопела от такого тона.

– Ты плакал, я тебя погладила по руке.

– Гладь теперь долго, – требовательно сказал он.

– Не буду, – обрubiла я и повернулась на другой бок.

– Будешь, иначе я медсестре пожалуюсь, – уже почти жалобно сказал малыш.

Не столько угроза, сколько собственное чувство вины и сожаление, что вмешалась в процесс без его просьбы, заставили меня повернуться, и я стала гладить его руку, ладошку, запястье двумя пальцами. От его руки в мою пошли какие-то токи и разряды. Тогда любовных романов я ещё не читала и не знала, что это и есть та самая «искра», которая пробежала.

– Голову гладь, – странным голосом сказал малыш и, буквально перевесившись через узкий проход между кроватями и положив голову на мою подушку, не то приказал, не то попросил он. Я погладила голову и в какой-то из разов погладила по уху. Мальчик весь напрягся, подобрался, часто задышал.

– Гладь уши, – буквально взмолился он. – Я к тебе сейчас перелезу.

– Ну уж нет, лезь обратно в свою койку, а то я сейчас медсестру позову, – отбрила его я.

Он неохотно перелез. Я повернулась на другой бок и заснула.

Утром пацан подошёл ко мне и протянул конфету.

– Ну погладь мне уши, а?

– Не буду. – Но конфету взяла.

– Я буду давать тебе в день по четыре конфеты. А ты мне ночью уши гладить будешь.

Всегда.

Вот такой миф из жизни. В нём присутствуют все с тех пор задействованные другими особями противоположного пола приёмы: разжалобить, угрожать чем-то в случае неповиновения, заразить своей страстью, предложить конфеты и прочие блага. И в последнюю очередь пообещать, что будут рядом всегда, каждую ночь твоей жизни. Впрочем, «всегда» для мужчин обычно имеет определённые временные границы. В данном случае срок был явно ограничен пребыванием в санатории летом».

Олег оторвал глаза от текста.

– Не могу припомнить, чтобы я кого-то пытался разжалобить, – хорохорился Олег.

– Значит, ты этого не помнишь за давностью лет. После пяти-шести лет каждый уже выбирает для дальнейшего использования ту тактику, которую выбрал, перебрав в детстве все остальные, – шутилым тоном сказала Ирина.

– Можно я сейчас отвлекусь и на эту тему вспомню что-нибудь о себе, а?

– Конечно. Ведь именно для этого я пишу свою книгу. Чтобы все разбирались в своих жизнях, читая о моей.

Впрочем, Олег не убрал руки с клавиатуры.

– Я своей первой девочке в первом классе сначала предлагал списывать у меня математику, потом просил её отряхнуть мне волосы – специально совал голову в куст, чтобы она меня по голове гладила. Но она и так соглашалась, так что угрожать чем-то или подкупать её не пришлось.

– Уверена, если ты пороешься в более поздних воспоминаниях, в старших классах, когда уже были позывы к сексу, ты был готов на то и другое.

– Всё-таки не угрожал... – задумчивым тоном сказал он. – Разве что тем, что не буду больше с ней встречаться, если она не даст... ну...

– Поняла, не маленькая. Ты действовал методом пряника, употребляя как орудие наказания – кнут.

– Я подарки или другие блага не обещал за секс.

– Тогда купленный теперь дом – это первое использование оболыщения, да и то за тебя его применил папаша.

Олег как-то всем лицом передернулся.

– Думаете, она спит со мной за то, чтобы жить в этом доме у моря?

– Она занимается с тобой любовью, чтобы загладить вину, получить стабильность и достаток. Получить статус замужней женщины. И вообще ей нравится секс.

– Но любви ко мне у неё нет.

– Нет. Иначе бы она не могла бы так долго не появляться в твоей жизни. Она искала любви. Но не нашла. А с тобой ей будет хорошо, а ты сможешь воспитывать сам своего сына. Брак ведь это всегда во все времена – экономической соглашение. Пакт о взаимопомощи. И от отца твоего она хотела не любви.

– Ну вы откуда всё знаете! – взорвался Олег.

– Я всё это пережила в третьем браке – желание устроиться, иметь стабильность, регулярный секс, партнера для путешествий и экскурсий.

– И разошлись?

– Ну, у нас не было общих детей. К тому же и секс был... не очень. Там в книге дальше я анализирую как раз результативность брака по расчёту на своём примере.

– Но Анька меня хочет, проглотить готова!

– Кто спорит? У неё не было ни одного акта три года. Так не разочаруй её сегодня ночью.

– Но надо ли начинать снова, если она меня не любит?

– А ты готов уйти, выпустить Ваньку из рук, не погрузиться в её тело, не попытаться прорваться в душу?

– Нет, не готов.

Тогда продолжим читать книгу. И вообще не считай некоторые мотивы основными, а другие – не важными. Чувства, как музыка, складываются из всех звуков, мыслей, запахов, прикосновений, а не из выборочных. Все они – правда. И знаков плюс или минус на них изначально не стоит. Пока чувства не проявляются в поступках. Иными словами, у тебя в голове предложение без знаков препинания. Идёт строка, и от того, где ты поставишь запятую, тире, восклицательный знак и точку, и зависит смысл всего.

– А, читал про фразу: «Казнить нельзя, помиловать». Или – «Казнить, нельзя помиловать», – горько усмехнулся Олег.

– Так что просто для себя расставь знаки препинания: «Простить, нельзя казнить» или «Простить нельзя, казнить» и мстить ей своими изменами всю семейную жизнь, видимо, недолгую.

– Хорошо, продолжим? – Голос Олега оставался рассеянным в начале чтения. Но после первой же фразы голос стал удивлённым.

«В том же санатории началась и моя карьера на сцене. Там была массовиком-затейником пожилая женщина – в то время ей уже было за шестьдесят. Но её чёрные кудряшки волос, как бы обведённые каждый полукругом седины, её стройная фигура и фантастической красоты оленьи глаза и сухие, прорисованные, как на картине об испанках, ноги, отбивающие ритм фламенко, были фантастическими. Она учила нас танцевать испанские танцы. И особенно это захватило меня. В шесть лет – взмахи юбок, пульсирующий ритм кастаньет, похожий на стук каблуков и цокот копыт. Меня всё это просто покорило. Это был вихрь, который унёс моё сердце. Если бы не наши театральные постановки летом, которые постепенно

доверили режиссировать уже лет в десять мне, – я бы не прикипела душой к театру на всю жизнь. А мечта о сцене и привела меня в конце концов к выздоровлению. Каких только ролей я ни сыграла. Воистину, быть примой в детстве куда приятнее, чем во взрослом возрасте – и зрители искренне восхищаются, и коллеги сильнее и более открыто завидуют. И самооценка становится потом непоколебимой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.